

18+

ВИКТОР ТИМОШКОВ

МУТНОЕ ВРЕМЯ.
— ДИНАСТИИ СМУТЫ —

Виктор Тимошков

Мутное время. Династии Смуты

<https://litres.ru/74395649>

ISBN 9785007110174

Аннотация

Книга «Мутное время. Династии» предлагает оригинальный взгляд на Смуту 1598–1619 годов как на династическую войну за русский трон. Автор рассматривает права, судьбы и борьбу шести династий — от Годуновых и Шуйских до Романовых и Васа, анализируя традиционные источники и спорные фигуры эпохи. Читатель увидит Смутное время глазами не только победителей, но и побеждённых, открыв для себя забытых героев и новое прочтение известных событий.

Содержание

О ком и зачем эта книга	6
Дмитрии Смуты	11
Несчастливое имя	17
Дмитрий не Иванович,	30
Русский Феникс.	42
Царь Митрюшка	67
Лжедмитрий IV.	80
Даниловичи.	93
Не блаженный Фёдор	94
Посольство, из-за которого убили царя	101
Фёдора	
Последний Данилович.	117
История одного паломничества.	124
Упущенные шансы царевича Дмитрия	135
Факультативная глава.	152
Про инокиню Марфу,	169
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Мутное время. Династии Смуты

**Виктор Николаевич
Тимошков**

Корректор Юрий Кудряшов

Дизайнер обложки Татьяна Сетькова

Иллюстрации Midjourney

© Виктор Николаевич Тимошков, 2026

© Татьяна Сетькова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1017-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга — для любителей русской истории. Она рассказывает о самом обсуждаемом и вместе с тем самом спорном периоде нашей истории — о Смуте 1598 — 1619 годов. В ней автор канала «Мутное время» предлагает оригинальное прочтение истории Смуты как династической войны нескольких известных династий, имевших реальные права на смутный трон. Книга построена на анализе и критике данных из ныне традиционных исторических источников.

Шесть прекрасных семей, волею судеб залетевших на русский трон в то эклектичное 20-летие: Даниловичи, Годуновы, Симеоновичи, Шуйские, Васа, Романовы. У каждой были свои династические права на смутный трон, своя программа и свои враги.

Для каждой из династий приведена история её происхождения, прав на смутный трон, основных персоналий, на него претендовавших. Отдельно факультативными главами даны истории людей и династий, находившихся от трона на шаг дальше.

Эта книга позволит вам по-новому взглянуть на хорошо известных персонажей Смутного времени: царевичей Дмитриев, царей Фёдора, Василия Шуйского и Бориса Годунова. Но и откроет вам имена людей, которые определили его исход не меньше, но были несправедливо забыты историками: царя Симеона, государыню Марфу, «серых кардиналов» нашей Смуты Фёдора Мстиславского и Фёдора Шереметева.

Она поможет вам убрать придуманную приставку «лже-» относительно царевичей, претендовавших на смутный трон. Вы посмотрите на историю Смуты глазами не только победителей, но и побеждённых, увидите историю, в которой нечего стыдиться и которую можно любить.

О ком и зачем эта книга

Как известно, Россия — страна с непредсказуемым прошлым. Срок жизни среднего учебника истории хорошо если исчисляется парой десятилетий. Потом новое поколение расставит акценты по-новому — и вчерашние герои примерят новые роли, а то и канут в Лету. Со временем канон устанавливается и живёт своей особой жизнью, проникая в культуру, искусство, становясь частью культурного кода.

Историки уверяют, что мы живём в эру победившего ревизионизма: всё ставится под сомнение, меняется, а мнение признанных авторитетов прошлого становится критически осмысленными сносками в трудах новых авторов. В теории. А на практике всё немного иначе. Особенно когда дело касается истории Смутных времён.

Наша история, собранная в относительно стройные системы сначала имперской версии XIX века, а затем — советских уточнений века XX, застыла странным архаичным монументом заблуждениям тех эпох, которые стали каноном и аксиомой.

У нас на Красной площади стоит памятник вождям ополчения, экскурсоводы с придыханием читают: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». И не комментируют, что всё это просто измышления романистов XIX века, а не реальные люди. Почти 70-летний Минин изображён чуть не мо-

ложе 30-летнего Пожарского, странное платье на князе — ужас и оскорбление в понятиях околосмутных времён, а за «гражданина» Минин просто приказал бы запороть автора на ближайшей конюшне.

И эта странная фантазия, мешающая Античности и Смуту — один из символов страны.

Советские историки, подправив некоторые вопиющие вещи типа основания Москвы князем Олегом, досыпали свою порцию откровенно ложных нарративов: в качестве примеров просят «крестьянская война Болотникова», польско-шведские интервенты и прочие вещи, эмоционально значимые для советской пропаганды, но не имеющие существенного отношения к реальной истории.

Ревизионизм пока проигрывает. Точнее, просто не случается.

При этом материала для его реализации накопилось с избытком. Любой профессиональный историк знает, что основой якобы крестьянской армии Болотникова была кадровая армия, вернувшаяся с крымской границы. Ещё Лев Гумилёв в одном из своих последних интервью в начале 1990-х об этом говорил. Что изменилось за 30 лет в описании восстания Болотникова? Прислушались авторы учебников к корифею? Увы.

Любой минимально интересующийся историей человек знает, что польско-шведские интервенты практически всю Смуту упорно воевали между собой, а ополчения, поми-

мо помещённых на памятник Минина и Пожарского, вели Трубецкой, Морозов, Головин, Черкасский, превосходившие упомянутую пару героев по местническому счёту. Где они в истории ополчений?

Дополнительную сложность описанию той эпохи придаёт скудность и однобокость документов. Страшные московские пожары 1571, 1591, 1611 и 1626 годов (особенно, как ни странно, последний) сильно снизили количество досмутных и смутных документов, доступных историкам. В итоге зачастую их источниками становятся вражеские нарративы: типа воспоминаний шведского дипломата Петрея и грамот правителей Речи Посполитой. Или сказочные воспоминания случайных прохожих типа царского мушкетёра Маржерета, которого в более благополучную на источники эпоху сравнивали бы с Мюнхгаузенom. Что ещё хуже, XIX век подарил им немало очевидных подделок типа внезапно обнаруженного к 300-летию династии «Угличского дела» или немецких листов с описанием нашей Смуты. Многие из которых признать подделками почему-то стесняются.

Ну и про однобокость.

Нынешняя версия истории избыточно жёстко и безоценочно повторяет нарративы победителей муты. Почему мы вообще продолжаем говорить про «Вора» и «Гришку Отрепьева» 300 лет спустя? Василия Шуйского в грамотах его противников ведь тоже называли «Вором» и «Васькой», но тут историки соблюдают вежливость и сохраняют ему соб-

ственное имя. Пора сделать то же самое с его противниками, которым верили и служили тысячи русских людей в то сложное и страшное время.

Вот и получается, что, несмотря на обилие исследований, история Смуты — задача со звёздочкой, с которой наши историки пока объективно не справляются. Скачут по ней беглые монахи, периодически правившие страной, скудоумные бояре, готовые поклониться троню любому бродяге, и ещё куча других странностей, от которых хочется её избавить. Сделать её нормальной, адекватной своей эпохе, соблюдая такой любимый историками принцип историзма. Сделать её органичной частью истории Евразии, в которой очень похожие трагедии в диапазоне плюс-минус 30 лет от нашей Смуты пережили если не все, то многие соседние и не очень государства. Не называя своих Гизов и Валуа лжекоролями даже после их поражений. Вернуть ей её героев и её злодеев, которые в текущей версии порой поменялись местами.

Книга, которую вы открыли — попытка реконструкции Смуты как нормальной династической войны. Именно борьба сразу нескольких династий за трон и была основным наполнением того сложного, но интересного времени. Каждой из династий, боровшихся за смутный трон, посвящён отдельный раздел. Для каждой рассказана краткая история её рождения и досмутного пути, её основные герои Смутных времён. Для некоторых добавлены факультативные главы про героев важных и интересных, но волею судеб не имев-

ших прав на смутный трон.

Отдельная глава посвящена четырём Дмитриям этой Смуты, историям их жизни и борьбы. Интерпретация их династической принадлежности взята мной из трудов замечательного историка Дмитрия Александровича Левчика «Русь на грани срыва», позднее обобщенных в книге «Настоящая история Смуты. Русская столетняя война середины XVI — середины XVII века».

Ему же я с огромной благодарностью хотел бы посвятить эту книгу.

Дмитрии Смуты

Самая мутная история Смутного времени — четыре кандидата в цари с одним именем. Даже в детстве, в запой глотая учебники истории, я был ошарашен этой историей.

Жила-была страна не хуже других, в меру централизованная, в меру европейская, с кем-то воевала, посольства принимала, парламентаризм строила вперемешку с диктатурой (то есть шла от соборов и избранной рады к Опричнине и обратно) — и вдруг как с цепи сорвалась: полыхнула бескрайней гражданской от края до края, где злые казаки и ляхи при полном попустительстве законной власти, которая вдруг самоустранилась, жгли Москву, осаждали Троицу и вообще творили дичь. И знаменем их были Дмитрии. Первый, второй, дальше по списку.

Первый рванул в Россию из Польши с крошечной армией, подкинутой южными оппозиционными короне магнатами. В России его армия быстро удесятерилась и смогла оказать достойное сопротивление царской. Из разных концов страны (в основном из Поволжья) ему на помощь рванули лжецаревичи Фёдор, Пётр и несколько других. Его поддерживали касимовский хан и ногайцы с казаками. После смерти больного уже несколько лет Бориса Годунова вся армия переходит на сторону самозванца.

Взяв Москву, устроил лютую расправу над Годуновы-

ми, Сабуровыми, Вельяминовыми. Не привечал и собирался казнить Шуйских. Активно продвигал литовскую и татарскую знать (как и Иван Грозный, и Симеон Бекбулатович в 1560-х и 1570-х). Публично обвинял Годунова в ослеплении царя Симеона и убийстве его старшего сына. Поддерживал униатов и, возможно, сам униат (а то и католик). Готовил секуляризацию церковных земель и войну с Турцией. Лично смел, водил войско в атаки. Великодушен, щедр, уверен в собственном праве на власть. Признан Боярской думой, единственный из самозванцев. Про угличский кошмар 1591 года публично ничего не рассказывает, Углича не посещает.

Его свергают, убивают, подвергают публичному глумлению. Вспыхивает короткая, но яростная гражданская война, в которой мятежники побеждают. Бóльшая часть армии после переговоров переходит на сторону Шуйских, меньшую громят, её вождя, «лжецаревича Петра», публично и мучительно казнят. Армия уходит приводить к покорности вспыхнувшее бунтом Поволжье.

И тут, как чёрт из табакерки, появляется второй Лжедмитрий. На первого он не похож абсолютно. Его тоже поддерживают поляки, но это уже коронные ляхи — из тех, кто в недавнюю гражданскую был на стороне победившего Сигизмунда III. Он с небольшим отрядом идёт к армии Шуйского, но буквально в паре дневных переходов разворачивается и отступает обратно к западной границе. Там к нему пытаются прибиться армии побеждённых Шуйским лжецаревичи-

чей. Лжецаревичей гирляндой развешивают вдоль Смоленской дороги. Маленький отряд Лжедмитрия номер два ещё больше тает в этих стычках.

Поляки вкладываются уже серьёзно. Во главе армии с опытным князем Ружинским царевич попросту сметает любое сопротивление. Кажется, ещё мгновение — и Москва признает нового самозванного царя. Но нет. Штурмы отбиты, поляки разошлись грабить округу, захватывать города и веси. Шуйский тянет время, ожидая подхода верных войск из Поволжья и шведских наёмников из Новгорода. В думе лжецаревича заправляют Филарет Романов (будущий патриарх и и. о. правителя), князь Трубецкой (будущий освободитель Москвы, претендент на трон и министр обороны времён ополчения за номером два) и ещё с десяток очень влиятельных дядек из московской элиты. Никто из них не станет публично в этом раскаиваться.

И московский, и тушинский цари очень важное значение придают трагедии в Угличе в 1591 году. Московский рассказывает ныне каноническую сказку об убитом царевиче, второй обвиняет Шуйского (активного участника, а может, и одного из организаторов трагедии) в лжесвидетельстве.

Время идёт, в Тушине «царик» становится фактически пленником поляков, заставивших его выделить боярские должности и огромные вотчины вождям похода, женивших его на Марине Мнишек, вдове Лжедмитрия I. Устав от такой жизни, бежит в Калугу, формирует новую армию из русских

и татарских добровольцев. С ней вновь идёт под Москву, но терпит поражение уже от поляков. В Москву его не впустил ровно тот же человек, который за руку привёл в неё Лжедмитрия I — князь Мстиславский, «серый кардинал» всего этого бардака. Филарет Романов пытается открыть «царику» ворота Москвы, но арестовывается и отправляется в польский плен с весьма призрачными шансами вернуться.

После поражения под Москвой Лжедмитрий номер два отступает в Калугу, но не прекращает борьбы. Гибнет от руки знатного касимовского татарина (и внука бия Большой Ногайской Орды Уруса) Петра Урусова после казни предавшего Лжедмитрия касимовского хана Ураз-Мухаммеда. Убийца оправдывается кровной мстью.

Третий и четвёртый появляются синхронно в разных частях России.

Третий оживает во Пскове — лучшей крепости России (оплоте тушинцев, до этого — Шуйских), сражается со шведами, признаётся законным царём большей частью Первого ополчения (армией Трубецкого). Второе ополчение долго и мучительно формулирует отношение к нему. Лишь перед самым походом на Москву Кузьма Минин пишет письмо псковичам, в котором называет Лжедмитрия III «вором». Дальше история смазана до жути: то ли арестован во Пскове и отправлен под Москву, то ли сам поехал к поддерживавшей его армии. Поляки посылают за ним Лисовского (лучший рейдер всей войны), который то ли отбивает «царя», то

ли не очень. По поводу «не очень» есть тоже несколько версий: то ли казнён казаками Трубецкого как лжецаревич, то ли дожил до воцарения Романова и казнён уже при нём.

И, наконец, четвёртый. Живёт в Астрахани и Царицыне. В его свите Пётр Урусов — убийца Лжедмитрия II. В 1613-м идёт на север с небольшой армией, терпит предсказуемое поражение и растворяется в дыму. Ни отступивший в Астрахань Заруцкий, ни его преследователи на Лжедмитрия IV и его армию внимания не обращают.

Урусов (правда, уже как Урак ибн Джан-Арслан), кстати, проживёт долгую жизнь. 30 (30!) лет спустя его казнит крымский хан, обвинив в убийстве законного московского царя. Про царевича под номером четыре никто и не вспомнит.

Представить себе, что все эти четыре не похожих друг на друга человека прятались за маской одного человека, сложно. Нужно много фантазии и личная заинтересованность.

Воин, стендапер, герой-любовник — номер один. Молодой, горячий, великодушный. Смеясь, дерзко презирающий язык и нравы.

Затворник, дипломат, мрачный тиран — номер два. Постарше, холодный, расчётливый, жестокий. Книжник, публично православный без намёков на униатство.

Загадочный третий: в годах, но свой, законный для псковичей и новгородцев. Союзник поляков, враг шведов и Второго ополчения. Неудачник, пьяница и предатель, бог весть где и как нашедший свой конец.

Мимолётный четвёртый: тень, отблеск царевичей, шедших на помощь первому и казнённых вторым.

Карамзин, я тебе не верю.

Но откуда вообще это имя? Почему именно Дмитрий?

Несчастливое имя

Недаром говорят: как корабль назовёшь, так он и поплывёт. Вот и с именами правителей та же петрушка. Таких людей называли не как попало — строго в честь старших родственников. Вольности начинались на третьем-пятом сыне, которые, по всем понятным причинам, до трона добирались нечасто. Была и ещё одна особенность: детей не называли именем, испортившим себе карму. Например, если ребёнок рано умирал или шёл против отца с мечом (пистолетом, табакеркой — выберите нужное) в руках.

Историкам от этого разнообразия прям грустно. Нынешние ещё в состоянии отделить правление Александра II от правления Александра III, а представьте лет через 500 кандидатские диссертации (зуб даю, этот формат проживёт 500 лет) на тему «Влияние последствий покушения на императора Александра на смену внутренней политики так называемой „российской империи“ в свете прогрессивных тенденций современной психосоматики и ценностей просветлённого либерализма, да хранят его Хронос, Эрос и Вирус».

Вот вы думаете, я бредил, когда это писал. Нет, просто прочитал пару сочинений профессиональных историков про эпоху Ивана Грозного, то создававшего, то крошившего в мелкую капусту Опричнину и двор. Казалось бы, ну очевидно же, что Иванов два и оба имеют очень разное мне-

ние по актуальным вопросам внешней и внутренней политики, свои дворы, своих бояр и не ладят с порой фатальными для подданных последствиями. Но нет, сумасшедший маньяк с раздвоением личности профессионалам нравится больше. Впрочем, продаваться и правда должен лучше.

Аналогично повеселились профессионалы и с двумя Алексеями уже в XVII веке. Вся эклектика финала правления Алексея Михайловича (ни фигу не) Тишайшего перестанет казаться дичью только при том раскладе, если приболевшего (отстранённого от правления) Алексея-отца подменял Алексей-сын. Со своими боярами, двором и видами на внутреннюю и внешнюю политику.

Петру Великому в этом плане повезло, что сына он назвал в честь отца, а не себя любимого. Проавстрийский Алексей сложил голову во вполне себе взрослой кабинетной борьбе с профранцузским отцом. В учебники же попал отец-тиран, буквально на ровном месте докопавшийся до единственного сына. Ну хотя бы не сумасшедший, который сам против себя организовывал заговоры и сам их потом успешно громил.

Итак, имена.

Династия Калиты за свои 300 лет правления дала череду имён правителей: Георгий, Иван, Симеон, Иван, Дмитрий, Василий, Василий, Иван, Василий, Иван, Фёдор. Нетрудно заметить, что доминируют Иваны и Василии. Они же относительно успешны на троне (Иваны — прям соль этой династии, особенно первый, третий и четвёртый).

Династия Романовых за свои полторы сотни лет правления дала нам цепочку: Михаил, Алексей, Фёдор, Иван, Пётр, Екатерина, Пётр, Анна, Иван, Елизавета, Пётр. Доминирует странная парочка Алексей и Пётр. Попытки пристегнуться к прошлой династии Иванами да Фёдорами как-то не срабатывают, мрут как мухи. Оно и правильно: не зря же Спаситель учил не наливать молодого вина в старые мехи. Очень глубокая мысль, даже с династиями работает.

Ольденбурги, которые Романовы из Гольштейн-Готторпов, как настоящие педантичные немцы, и вовсе помножили всё разнообразие на ноль: Павел, Александр, Константин, Николай, Александр, Александр, Николай, Михаил. Нетрудно заметить, что пара Александр и Николай доминирует. Александры и Николаи правили примерно поровну, но первые — как-то удачнее, что ли. Прямо как Иваны и Василии у Даниловичей.

Откуда же в эти стройные ряды затесался Дмитрий? И почему в Смуту это имя оказалось таким популярным?

Всё началось с татаро-монгольского ига. Уж не знаю почему (может, просто совпадение, хотя вряд ли), но поколение Ярослава Всеволодовича разлюбило славянские имена типа Ярослава и Всеволода и полюбило греческие и латинские. У отца Александра Невского уже братьями были Константин и Георгий. Второго ещё можно объяснить памятью о Юрии Долгоруком. Но вот первого почему называли Константином — ума не приложу. Сам Ярослав Всеволодович тоже имена у

детей тасовал: были Ярослав Тверской и Святослав Московский, а были Андрей и Александр. Его сын, победивший в борьбе за симпатии Орды, Церкви и великокняжеский престол Александр Невский, славянские имена для детей уже не использовал. Он же стал первым русским правителем, назвавшим сына Дмитрием. Были ещё Василий, Андрей и Даниил.

Впечатление его правление оставляет противоречивое и свойственное всем последующим Дмитриям: с одной стороны, именно он автор тяжёлой победы под Раковором в 1268 году, остановившей крестовый поход на восток, и основатель крепости Копорье, здорово облегчившей новгородцам оборону от шведов; с другой — основным наполнением его правления стали конфликты с теми же новгородцами, братом Андреем и Ордой (порой с несколькими из списка одновременно), что привело к свержению Дмитрия с престола и разгрому Переяславля, который изначально казался фаворитом на роль княжеской столицы Северо-Восточной Руси. Факт-чек: прекрасный воин и организатор, истинный патриот, но посредственный политик и правитель, уступивший власть более циничному и бессовестному брату Андрею.

Их борьбу можно рассматривать ещё и как борьбу партии, выступавшей за большую автономию и кормившуюся от новгородской торговли (Дмитрий), и партию более глубокой интеграции в ордынские институты, кормившуюся от волжской торговли (Андрей). Исход такой борьбы, несмотря на всё му-

жество Дмитрия Александровича, был логичен и предсказуем: его сын Иван завещал Переяславское княжество дяде (и почти ровеснику) Даниилу Московскому. Ну не врагу же отца дяде Андрею (хотя Андрей Александрович был глубоко не согласен). Видимо, именно через него (Ивана Дмитриевича) в московском списке княжеских имён появилось легендарное в будущем имя Иван.

Второй раз Дмитрии появились у трона в недоброе время: собранное Иваном Калитой великое княжество стало расплзаться по швам. Сразу два Дмитрия — Дмитрий Константинович Нижегородский и Дмитрий Иванович Московский, а в будущем Донской — очень некрасиво делили великокняжескую корону в начале 1360-х. Междоусобицу в своих владениях погасила Церковь в лице митрополита Алексея. Нижегородский князь стал тестем Московского и с тех пор гадил только исподтишка. Этот же брак позволит Василию I, сыну Московского Дмитрия и внуку Нижегородского, в конце 1390-х присоединить Нижний к Москве — сначала фактически, а потом и формально.

Дмитрий же Донской положил жизнь на долгую войну с тверскими, рязанскими, смоленскими и прочими сепаратистами, могучим соседом в лице литовского князя Александра (Ольгерда) Литовского и ордынцами в лице Мамая и не только. Пока Дмитрий отыгрывал вполне приемлемую по характеру роль министра обороны при реальном правителе тогдашней Московии митрополите Алексее, всё шло прием-

лемо. Посыпавшаяся было под ударами Ольгерда и сепаратистов Московия отряхнулась и имела все шансы на ренессанс державы Мономаха и независимость от Орды. Православное царство было близко, но увы: митрополит Алексей умер в 1378 году, и последние десять лет правления Дмитрия Донского вместили в себя конфликт с Церковью в лице митрополита Феогноста, блестящую победу на Куликовом поле, спалённую в пепел Москву, проигранную борьбу за Литовскую Русь, фактическую независимость Рязани и Твери. Опять двадцать пять: великий воин и патриот, но очень посредственный, даже прямо неудачливый лично правитель и политик.

В наших летописях семи-девятилетний князь Дмитрий произносит очень мудрые речи и даёт очень неожиданные дипломатические поручения московским боярам. И куда оно всё потерялось после возраста Христа? Наверное, не будет излишне смелым предположить, что князю приписали слова и дела его действительно великого крёстного Алексея Бяконта — митрополита Киевского и всея Руси. Со смертью которого всё и посыпалось.

Никого из своих восьмерых сыновей Дмитрий Донской в свою честь не назвал. Второй сын, Юрий, оказался не так прозорлив: его второй сын получил имя Дмитрий. Дмитрий Юрьевич остался в русской истории под прозвищем Шемяка, подарив нашей истории «Шемякину смуту» (по накалу борьбы ничуть не уступавшую Смуте начала XVII века) и

максимально несправедливый «Шемякин суд». Для не знакомых с русской историей XV века — краткая выжимка.

После смерти Василия Дмитриевича за престол сцепились его младший брат, Юрий Дмитриевич, и сын, Василий Васильевич. Князь Юрий легко разбил племянника, тот бежал было в Орду, но где-то на полдороге, в районе Нижнего, Василия Васильевича настигли новости о смерти дяди. Сыновья Юрия трон не поделили, и младшие Дмитрии (Шемяка и Красный) перешли на сторону двоюродного брата Василия Васильевича. Последний из сыновей Донского, Константин Дмитриевич, примерно в то же время очень вовремя постригся в монахи, чтобы во всём этом не участвовать. Война двух Василиев закончилась пленом и ослеплением Юрьевича, получившего малопочтенное прозвище Косой.

Василий Васильевич и Дмитрий Юрьевич заключили мир и надолго поделили страну. Великим князем Московским стал Василий, Угличским — Дмитрий. Последнего признал великим князем Новгород, несколько уравновесив силы. В 1445 году на фоне катастрофического поражения князя Василия под Суздалем от Улу-Мухаммеда Дмитрий Юрьевич занял Москву и провозгласил себя великим князем. Вернувшийся с татарской армией Василий брата прогнал, но неистовства новых татарских союзников великого князя и грандиозный выкуп за Василия вновь качнули чашу весов популярности в пользу Дмитрия Юрьевича. Василия Васильевича предательски арестовали и ослепили, его детей чуть

не утопили в Угличе (вмешался митрополит Иона — ну, по крайней мере, по официальной версии). Там же, в Угличе, митрополит формально помирил братьев, после чего Дмитрий отправился княжить в Москву, а Василий — в удельную Вологду.

Дорвавшийся до власти Дмитрий Юрьевич, впрочем, к её удержанию талантов не проявил: он мигом рассорился с тверскими, литовскими и ордынскими союзниками, influential боярами и митрополитом. Уже ослеплённый, Василий Васильевич бежал из Вологды к будущему свояку Борису Александровичу Тверскому и на остриях тверских мечей вернулся на престол. Союзники из Литвы и Орды тоже не забыли неудачливого, но договороспособного союзника. Тем не менее до самого 1453 года, когда Дмитрия Юрьевича отравили в Новгороде, Северная Русь полыхала страшным пожаром гражданской войны. Пометьте на полях: Углич — традиционно великокняжеская столица.

Сын Дмитрия Юрьевича бежал во Псков, внуки — в Литву, где со временем перешли на службу к дальнему родственнику Василию Ивановичу. И снова та же кармическая ловушка: прекрасный воин, искренний патриот Московии, но неудачливый политик и правитель, проливший моря крови и проигравший свою войну.

Младший сын Василия Тёмного, названный Дмитрием, умер во младенчестве.

Его сын Иван III венчал на царство старшего внука Дмит-

рия Ивановича. Борьба за трон великого князя Новгородского и Псковского Василия Ивановича (дяди) и великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Ивановича Внука была не такой трагической, как у их дедов, но только в том плане, что кровей было пролито меньше. В этот раз пролитовская партия Патрикеевых, поддерживавшая Дмитрия, уступила северным апологетам Софьи Палеолог и Шуйских, поддерживавших Василия.

После смерти великого деда Дмитрий Внук попал под арест и уже не вышел из тюрьмы.

А ещё так звали одного из сыновей Ивана III и Софьи Палеолог. Он родился в 1481 году, а уже на 20-летие формально возглавлял поход большой московской армии в Литву. Поход имел умеренный успех: была взята Орша, сожжены посады Полоцка, Витебска и Мстиславля. Но своей главной цели — взять Смоленск — князь выполнить не смог. С 1503-го — удельный князь Угличский, второй в очереди на престол. В 1506-м возглавил большой поход русской армии на Казань, дважды неудачно её штурмовал, но напугал казанцев достаточно для заключения выгодного мира. В 1512 году участвовал в неудачной осаде Смоленска, командовал полком правой руки, в дальнейшем часто возглавлял оборону на юге, где участились татарские и ногайские набеги. Имел обширный двор, включавший Морозовых, Хованских, Ростовских, Полевых (в основном ярославские и ростовские князья). Периодически конфликтовал со старшим братом Василием. Ак-

тивно участвовал в общественной жизни, дружил и переписывался с Максимом Греком, активно развивал свой удел. Умер, как и Донской, чуть не дожив до 40, вызвав нешуточные волнения в Угличе, где, видимо, считали, что любимого князя убили. Случилось это в 1521 году. Возможно, именно Жилки — при всех недостатках, опытного и смелого воеводы — не хватило московской армии на берегах Оки. С ним страшного крымского смерча 1521 года, напомнившего России о временах Неврюя и Батыея, могло бы и не случиться.

Казалось бы, пора остановиться и забыть несчастливое имя, но нет.

Иван Грозный именно так назвал своего первого сына. Ребёнок погиб совсем молодым при крайне трагических обстоятельствах. Официальная версия звучит примерно так: тяжело поболевший после казанского взятия великий князь отправился на богомолье, да так торопился, что оставил в одном из северных монастырей разболевшуюся жену, а перед этим нерадивые слуги уронили в речку его первенца. Помолившись, царь Иван вернулся в Москву, где разогнал из власти родственников жены — Захарьиных, казнил своих недавних приверженцев и провозгласил регентом двоюродного брата — Владимира Андреевича. Пока шло это странное богомолье, москвиты игнорировали даже страшное восстание в только что взятой Казани.

Переведу с русского на русский: в 1554 году в Москве случился военный переворот, в ходе которого стариц-

кий князь Владимир Андреевич при поддержке митрополита Макария и военной знати захватил реальную власть. В ходе переворота князь Иван Васильевич бежал на север к своим приверженцам, но его поймали, а первенца казнили так, как когда-то чуть не казнили будущего Ивана III. Грустная и страшная история. Но имя однозначно несчастливое.

Последнего сына Грозного от седьмой жены Марии Нагой тоже назовут Дмитрием. Я честно считаю его пасынком Грозного, сыном Ивана Ивановича Молодого и Елены Шереметевой. По официальной версии, он погибнет в Угличе в девятилетнем возрасте от рук убийц, подосланных Годуновым. По менее каноничной — в декабре 1610 года в заснеженном калужском лесу от рук наёмников польского короля (а заодно и собственных кровников). Личность всё такая же, как и другие Дмитрии: добрый царь, мужественный воин, слабый политик и правитель. Назвали бы в честь отца — глядишь, и зацепился бы за престол.

В Смуту имя Дмитрий вообще было безумно популярно:

- **Дмитрий Шуйский**, который проиграл царство и себе, и брату;
- **Дмитрий Трубецкой**, который почти царь от ополчения номер один;
- **Дмитрий Черкасский**, который почти царь от ополчения номер два.

Даже про Пожарского поговаривают. Вряд ли, конечно, но кто знает.

Последним своего сына Дмитрием назвал Алексей Михайлович Тишайший. Подросток фрондировал против отца, признавшего законным царём Василия Шуйского, но попытки пристегнуть Романовых к Даниловичам системно проваливались. Дмитрий Алексеевич умер, едва дожив до первого дня рождения. У Михаила умерли во младенчестве Иван и Василий, у Алексея — Дмитрий и Симеон, да и Фёдор с Иваном запомнились какими-то тенями на фоне сверхпассионария Петра.

Остальные Романовы и Ольденбурги (поспотыкавшись немного на Иванах) больше не пробовали пристегнуть себя к Рюриковичам. Стоило Александру III и Николаю II вспомнить о своих корнях и назвать детей Михаилом и Алексеем, как династия закончилась. И чем же не устраивал очередной Александр или Николай? Ну да не будем о грустном.

А Дмитрий — с отрывом самое несчастливое княжеское имя Московского царства: десяток мужественных воинов, честных патриотов — и никаких политиков. Может, оно и правда красивое и посвящено воинственному римскому богу Митре, но не для московского престола.

Хотя один в Смуту на него даже присел.

*Дмитрий
Иванович Донской
(1350—1389),
великий князь
Московский.
Им началась
история Дмитриев
на московском
троне*

*Икона святого
царевича Дмитрия
Угличского.
Им история
Дмитриев
на московском
троне закончилась*

Дмитрий не Иванович, или Предтеча империи

Как говорил один шведский (или французский) кондотьер на русской службе со звонкой фамилией Делагарди: «Моё дело — воевать, а не рассуждать о Димитриях». Видимо, русские историки считали так же.

А зря: Смута — история более чем увлекательная, я искренне наслаждаюсь, копаясь в ней.

Давайте поиграем в угадку. Назовите персонажа по фактам из жизни:

- 1) провозгласил себя императором;
- 2) учредил сенат вместо Боярской думы;
- 3) женился на безродной иностранке;
- 4) в начале своего правления развязал войну с Турцией в союзе с Австрией и Польшей;
- 5) превосходно разбирался в военном деле;
- 6) был физически крепок, гнул подковы руками;
- 7) ходили слухи, что царь ненастоящий, подменён;
- 8) увлекался иностранной культурой;
- 9) не носил бороды;
- 10) конфликтовал с церковниками;
- 11) опирался на дворянство в ущерб боярам и монастырям;
- 12) не любил Москву, думал о переносе столицы.

Кто первый приходит на ум? Правильно, Пётр Великий: основатель империи, ниспровергатель основ, превративший средневековое рыхлое царство в доминатора Восточной Европы.

А кто второй? Он самый — Дмитрий, который «лже-», который меньше года правил в Москве. Что интересно, царь-реформатор, получивший блестящее домашнее образование, хорошо знал историю. Особенно фанател от эпохи Грозного, которого искренне обожал. Брату Фёдору отправляемый в ссылку мальчишка в лицо бросил горький упрёк, напомнив старую историю почти вековой давности. Возможно, знал даже лучше нас. Даже имена почти совпали.

Вот только к нашему герою эта история про братьев Дмитрия и Фёдора практически не имела отношения. Брат Фёдор его переживёт, но ненадолго.

Почему же мы помним Лжедмитрия I Ивановичем, а не Симеоновичем? Это же очевидная нестыковка: что мешало уже после победы открыто объявить себя сыном царя Симеона? Раз уж права были именно такие. Это самый тяжёлый вопрос про первого из Дмитриев.

И ответ мало кому нравится. Если коротко: а он так и сделал. Вернул отца в Москву. Вернул родственников (Нагих и Головиных) на высшие государственные должности. Проводил очень традиционную для ордынской династии политику. Был свергнут и убит, ибо его политика имела большое количество высокопоставленных противников, число кото-

рых росло как снежный ком по вполне объективным причинам. После свержения его демонизировали Церковь и правительство по отработанной, хоть и ложной схеме патриарха Иова. Все (якобы) его указы принадлежат Лжедмитрию II — действительно Ивановичу, правившему значительной частью России несколько лет, либо являются поздней подделкой. В конце XVIII — начале XIX века, когда кодифицировали нашу историю, спрос на них был велик, а где спрос, там и предложение. У нас вообще пугающе мало доромановских документов, найденных до Петра (и ненамного больше — найденных до Екатерины, когда национальная история осознанно понадобилась государству). Все указы и литографии с Дмитрием Ивановичем, с которыми я сталкивался в источниках, именно такие — чудесно найденные в XIX веке копии с подлинников XVII, оперативно утраченных. Романовым же (вопреки распространённому мнению) первого Лжедмитрия (в отличие от второго) любить не за что.

Кризис сложной системы Русского царства начала XVII века разрешился естественным путём — то есть гражданской войной, в которой династия Симеоновичей была физически истреблена (или почти истреблена), а их последователи проиграли. Победившие враги максимально замазали побеждённых чёрной краской: сначала из опасений реванша, потом в формате самооправдания, а потом и просто привыкли. Это если коротко.

Тема превращения законного (относительно) московско-

го и тверского царя Дмитрия Симеоновича в Гришу Расстригу, выдававшего себя за законного царя Дмитрия Ивановича, сына первого царя Московского и всея Руси Ивана Грозного — это пример очень грамотной и осознанной работы окна Овертона, когда, по чуть-чуть недоговаривая, вы в несколько итераций превращаете чёрное в белое и наоборот.

Перед тем как я перейду к доказательствам, я кратко изложу свою версию.

Не было никаких безродных лжецаревичей, взлетевших на социальном лифте из беглых чернецов в великие князья московские. Была изнурительная, очень ожесточённая борьба за престол между несколькими ветвями более или менее законных правителей — родственников Ивана Грозного. Династия Даниловичей раскололась между лоялистами, сторонниками двора (продолжения Опричнины с другим названием) во главе с Фёдором Ивановичем и Борисом Годуновым и бунтарями: Иваном Ивановичем (бунташным сыном Грозного) и его единственным сыном Дмитрием Ивановичем Угличским (он же Лжедмитрий II). Воспользоваться расколом и сместить Даниловичей с трона пытались некоторые амбициозные аристократы. Главными из них были Симеоновичи (потомки ордынских царей и родственники Ивана Грозного по второй жене Марии Темрюковне) — этикие русские Бурбоны и Шуйские (нижегородская династия, проигравшая великокняжеский трон в XV веке, но поставившая себя как «принцев крови» и готовая перехватить власть) —

этакие русские Гизы. В ходе Смуты больше всего пострадали первые и третьи, их же и замазали чёрной краской сверх всякой меры. Царевичи ордынской династии превратились в лжецаревичей и самозванцев, которых убивали безо всякой жалости (в этом плане показательно, что больше половины их, а именно 11 из 15, казнил Дмитрий Угличский, сам впоследствии ославленный Лжедмитрием II).

Давайте зададим простой вопрос: кто в XVII веке мог определить законность царя или царевича? Формально — Земский собор и Боярская дума, они и правили страной. Но фактически решения принимала Церковь. Странно ли, что в список лжецаревичей и самозванцев попали царевичи, терпимо относившиеся к католицизму/униатству? Лжедмитрий I — публичный униат, Лжедмитрий II — непубличный, но тоже в переписке с папой римским и его кардиналами, Лжедмитрий III — пропольски настроенный политик. Ополченцы в Ярославле очень долго пытались понять, как мог предать природный князь Шуйский, посылали послов и лишь через несколько долгих месяцев назвали несостоявшегося лидера своего движения Псковским Вором. Только после этого вспомнили о Мише Романове.

Природа и происхождение для Церкви имели вторичное значение. Когда-то и сами Даниловичи (в XIV веке) не имели законных по лествичному праву прав на престол. Кого это тогда остановило? Почему Церковь должна рассуждать иначе в XVII веке? Тем более что католики аккурат перед соб-

ственной страшной смутой (Тридцатилетней войной 1618 — 1648 годов) устроили самый мощный в известной истории Drang nach Osten с Брестской унией и иезуитской империей Васа. Эти планы никак не коррелировали с православным царством митрополитов Ионы и Макария. В живых мог остаться только кто-то один. Нам, живущим в секуляризованном XXI веке, уже не понять накала борьбы. Но он бесспорен.

Симеон Бекбулатович — единственный царь, поставленный волей светской власти. За 11 месяцев правления в должности великого князя Московского Симеон прославился страстью к увеселениям, строительству потешных крепостей и отъёму тарханов и грамот у иосифлянских монастырей. В должности друга государева (и великого князя Тверского) он конфликтовал с митрополитом Антонием, приверженцем сына Грозного Ивана Ивановича, требовал передачи части церковных земель царю для раздачи дворянству. В 1581 году, после смерти Ивана Ивановича, продавил (при поддержке Грозного) смещение Антония и замену его на более сговорчивого митрополита Дионисия. В 1584 году случается церковный собор, на котором светская власть (в основном как раз Симеон) добивается частичной секуляризации. Церковь на фоне череды тяжёлых войн делится с царём землёй, но не сдаётся. Уже в том же 1584 году разгонят Ближнюю думу очень вовремя умершего Грозного (самый известный из её членов — Богдан Бельский). Нагих, объявив неза-

конными (какое удобное слово) царскими родственниками, отправят в ссылку в Углич стеречь ненавистного пасынка — сына Ивана Ивановича (позже пасынка ославят сыном, а не внуком Грозного). В 1585-м отправят в опалу казначеев Головиных, следивших за передачей земель, постригут в монастырь первого московского боярина Ивана Мстиславского (тестя Симеона) и снимут с должности великого князя Тверского — самого экс-Саин-Булата. Всё это на фоне уличных боёв в Москве (если верить польскому посольству).

Во время присяги Борису и Фёдору Годуновым особенно отмечается требование к подданным отказаться от сношений с Симеоном Бекбулатовичем и его детьми. Ни царём, ни великим князем Симеона не называют долгих 20 лет: с 1585 по 1605 годы — до торжественной встречи, устроенной старику сыном, вернувшим московский трон. При Лжедмитрии I Симеона публично называют царём. За пару недель до московской свадьбы сына (формальной, ибо краковская уже прошла) Симеон постригается в элитный Кирилло-Белозерский монастырь, в котором доживал последние годы его тесть Иона (Иван Мстиславский).

Его сын начал правление со смены патриарха и грабежа Церкви (ну а как ещё назвать продразвёрстку на десятки тысяч рублей по всем крупным монастырям уже на второй месяц правления?). А ведь готовил секуляризацию по протестантским канонам, даже советников выписал именно за этим и именно протестантов (на это смертельно обиделись

сопровождавшие его в походе иезуиты). Это вам не часть колоколов снять на пушки с неискренними обещаниями вернуть. Разве может такое простить церковная пропаганда? Конечно нет. Особенно после расправы с ненавистным царём.

Расправа продолжилась страшной, но недолгой гражданской войной, в которой родственники и сторонники ордынской династии попытались взять реванш. После победы Церкви и Шуйских в «крестьянской войне Болотникова» царевичи, попавшие в руки победителей, были казнены. Остальные, во главе с последним живым сыном Симеона — Фёдором, уходили к польской границе в надежде на реванш. Они шли на соединение с отрядами Дмитрия Ивановича Угличского — второго самозванца этой Смуты. Он их и казнил, не считаясь ни с возрастом, ни с будущими проблемами.

Почему? Мне кажется, что он сводил счёты с детьми убийцы своего отца. Да и вряд ли ему понравилось, как, прикрываясь его именем в начале похода, к власти пришёл их родственник и его тёзка. Четыре года спустя его убьёт подручный касимовского хана. Да, возможно, подкупленный поляками или мстивший за казнённого касимовского хана Ураз-Мухаммеда. Мемуаров Пётр Урусов не оставил, зато в 1611 — 1613 годах крутился в Астрахани ещё с одним Дмитрием якобы царских кровей. Детей царя Симеона к тому времени уже убили, но могли подрасти внуки или внук (если не всех детьми казнил Дмитрий Угличский). Правда, сил у них уже

не оставалось, только имя.

Дмитрия Симеоновича ненавидели сторонники Шуйских, сторонники Дмитрия Угличского, сторонники Сигизмунда и Владислава (первого, видимо в благодарность за радушный приём и поддержку, Дмитрий Симеонович грозился свергнуть с польского трона, публично), его ненавидела Православная церковь (особенно консервативная иосифлянская её часть) за грабёж, то есть за чрезвычайные налоги на войну с Турцией, и за нескрываемые планы по секуляризации земель, а возможно, и по унии, его ненавидели иезуиты за публичное отречение, Голицыны — за неоценённое предательство Годунова, Шуйский — за публичную позорную казнь, Воротынский — за публичное унижение в Туле, когда привёзшего ключи от Москвы второго боярина думы крыли матом безродные казаки при молчаливой поддержке царя — слишком многих и слишком быстро обидел Дмитрий Симеонович.

К маю 1605-го он осознаёт неизбежность гражданской войны. Стягивает в Москву верные войска. Приглашает наёмников (многие из них приходят как раз в свите Мнишека). Зовёт казаков и братьев с племянниками, вернувшихся было в Касимов и на Нижнюю Волгу. Шуйские и Голицыны, также ничего не скрывая (дума в их руках), стягивают верные отряды. Официально много говорится о войне с Турцией, и она может стать спасением для молодого царя. Там во главе армии он станет куда менее уязвим, чем в этой

опасной, неродной и нелюбимой Москве. Со стен снимают орудия, будто намекая мятежникам, что в случае чего отсидеться в городе не получится. В центре города, как в осаде, царь Дмитрий в окружении наёмной стражи. Второе кольцо — лояльные поляки, оппозиционные Сигизмунду. Третье — стрельцы. Всё остальное — уже в руках Шуйских и церковников, открыто называющих Дмитрия лжецарём. Фатальным для Дмитрия Симеоновича оказывается излишнее доверие к немецкой страже. Золото — мягкий металл, а Церковь и Шуйские кратно богаче царя Дмитрия. Заговорщики врываются в Кремль при попустительстве (или прямом предательстве) немецкой стражи, царевич действительно героически защищается с кучкой сторонников.

Убитого царя предадут торговой казни и схоронят за городом как безродного расстригу. Перед этим вытащат отречение от него из Марии Нагой (весьма двусмысленное, на самом деле дословно: «Вы бы спрашивали, пока он был живой, а теперь уж он точно не мой»).

Третий взлёт Нагих (первый — свадьба на Евдокии Старицкой регента, Владимира Андреевича, второй — пресловутая седьмая свадьба Грозного на Марии Нагой) показательно обрывается. Шуйский разжалует их из бояр и конюших в окольничие, Романовы и вовсе сошлют в Сибирь и доведут до вымирания. Ещё один пример, как клан высшей знати Рюриковичей (Нагие/Собакины) не найдёт себе места в царстве Романова. Полный аналог Годуновых-Сабуровых.

А ещё Шуйских, Воротынских, Телятевских. Ибо незачем у трона люди с сопоставимыми правами на престол.

Мстиславский умрёт в 1622 году. Царь Симеон — в 1616-м. После их смерти значимых адвокатов у Дмитрия Симеоновича не останется. Склеить из двух законных царевичей одного-полтора самозванца — да плёвое дело пару сотен лет спустя. Честные историки пытались протестовать в рамках дозволенного в Российской империи (наиболее последовательным из них был Николай Михайлович Павлов). Но до самого падения династии (и Церкви) предположить участие Романовых и РПЦ в свержении законных предшественников было нельзя. Советские же историки, следуя извилистой линии партии, наплодили в Смуте благоглупостей вроде «крестьянской войны Болотникова», прогрессивной роли ополчений в формировании русского государства и вообще вот это всё.

Чуть позже (по историческим меркам, конечно) один московский царь будет активно косплеить Дмитрия Симеоновича: скрутит в бараний рог Церковь, лишив её патриарха и заставив проглотить «всешутейшие всепьянейшие соборы», разгонит думу, сменит родовую знать на лично компетентных выдвиженцев, сбреет им бороды, будет вытягивать по хребтине палкой проворовавшихся дьяков (да, это тоже от Дмитрия), собирать потешные полки иноземного строя. А ещё в 20 с небольшим возьмёт Азов, до которого Дмитрий так и не дошёл. Кстати, у него же позаимствует идею воро-

нежской верфи и флота (московские послы ещё десять лет в 1600-х будут плавать в Крым на кораблях, построенных для похода Дмитрия). А ещё перенесёт столицу из вечно бунташной Москвы, в центре которой ему поставят памятник (да, москвичи памятник ненавидят, но стоит же).

Что было бы, если бы в тот холодный май 1605-го всё пошло по-другому? Если бы царевич (уже император) вырвался из столицы, ставшей западнёй, или сумел сам расправиться с армейской, думской и церковной верхушкой? У нас определённо была бы другая история. И отчество бы не потеряли.

Но больше всех в этой потере виноват сам царь Дмитрий, на старте своего похода и правда распускавший слухи, что идёт Дмитрий Угличский. Просто чтобы армию передали в управление его родственникам как кровникам Угличского.

Русский Феникс.

Дмитрий Иванович Угличский

Итак, пришло время истории про главного персонажа этой смутной истории. Его борьба за трон будет проиграна, имя — оболгано, соратники предадут и забудут. И при этом всё́м он останется святым покровителем воскресшего русского государства и новой династии. Такая вот история.

Начнём традиционно с краткого изложения официальной версии.

Хмурой осенью 1582 года у старого, больного и невероятно грешного царя Ивана IV Грозного родился сын, которого называли Дмитрием. Рождён он был в греховной связи шестого брака с Марией Нагой, Церковью впоследствии не признанного (правда, позднее, уже при царе Фёдоре).

Пометки на полях

Странно называть сына Дмитрием во второй раз, если за четверть века до этого ты потерял его при очень трагических обстоятельствах (бегство из Москвы якобы на богомолье, арест и передача фактической власти регенту — Владимиру Старицкому). Что ещё веселее, царевич Дмитрий, по официальной версии, родился в тот же день, что и его умерший брат, и получил ту же пару княжеского

и крестильного имени: Дмитрий-Уар. Дату рождения считают именно по ним, поэтому она может быть неточна.

Царь, за год до этого при трагических обстоятельствах потерявший старшего сына, был рад. Родственники царицы Марии занимали важные посты в Ближней думе царя, до этого были послами в Крым и воеводами.

*Дмитрий I
(Дмитрий
Симеонович
Тверской)*

*Дмитрий II
(Дмитрий Иванович
Угличский)*

Пометки на полях

Вдову старшего сына, как это ни странно, постригли с почётом в Новодевичьем монастыре, дали в вотчину город Лух (ныне пгт в Ивановской области). По сравнению с судьбой первых жён Ивана Ивановича — курорт да и только. Прожила она, правда, недолго: в 1587-м в возрасте 35 лет инокия Леонида умерла. А вот первые жили долго, склочно (их сослали в один маленький суздальский монастырь) и сложно. В 1609-м Евдокия Сабурова, например, признала Лжедмитрия братом, Дмитрием-царевичем (на всякий случай — второго, первый о ней не вспомнил). Соловая же, напротив, была переведена в Новодевичий монастырь Василием Шуйским и Дмитрия не поддерживала (ни первого, ни второго). На всякий случай: первая из них — родственница Годунова, вторая — Шуйских.

Шереметева, кстати, тоже совсем не худородна: отец — воевода, погиб при осаде Ревеля в 1577-м, брат через брак — родственник Черкасских и Романовых, двоюродная сестра замужем за Михаилом Кайбулиным — главой Боярской думы и потомком астраханских царей — главных конкурентов династии Симеона за ордынский трон.

Худородные Нагие были обязаны карьерой близостью к царю. Когда в 1584 году он умер, их не было в списке реген-

тов. На фоне волнений в Москве Дмитрия и Нагих супероперативно (до венчания на царство старшего брата) отправляют в Углич. Фактически Дмитрий там удельный князь, волен казнить и миловать, но со временем всем заправляет семья дьяков Битяговских, лично преданных Годунову.

Пометки на полях

Брата Грозного Юрия в тот же Углич сопровождали Палецкие (родственники наречённой жены Иулиании, не матери). Слепоглухонемой и вообще больной на голову брат Грозного умер перед стартом Опричнины, до этого участвовал в походах на Казань и поездках брата в Новгород. Его единственный сын Василий неосторожно поиграл с ножиком (в других источниках — умер младенцем). Главный источник данных о болезни Юрия — князь Курбский, брат жены регента Владимира Андреевича. До этого удельный князь Угличский — Дмитрий Жилка, второй сын Ивана III от Софьи Палеолог. Калуга тоже входит в удел наследника в обоих случаях.

Худородность Нагих тоже сложно понять: они потомки дочери великого князя Владимирского и Тверского Михаила Ярославича (мученика, не любимого Церковью), на их дочерях женаты регент Владимир Андреевич Старицкий (первый брак — Евдокия Нагая), сам царь Иван Грозный (шестой брак). Чем так уж круче Шуйские (потомки великого

князя Дмитрия Константиновича)? Или Романовы? Бельский (потомок великих князей рязанских — правда, тоже быстро объявленный худородным)?

Битяговские — дворяне, связаны с литовской знатью: Голицыны, Булгаковы, Мстиславские (неточно).

Про мальчика распускают чёрные слухи. Вот заметки Флетчера (английский посол): «Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых летах в нём начинают обнаруживаться все качества отца. Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда течёт из него кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкой гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут».

Ещё есть уморительный рассказ, как мальчишка деревянной саблей рубил чучела знатных московских бояр: Годунова, Мстиславского и ещё много кого, приговаривая: «Подрасту — всех порешу».

Гибнет, по официальной версии, в конце мая 1591 года. По версии угличан — убит Битяговскими. Родственники Марии якобы инсценируют убийство — красят животной кровью сабли и пытаются насобирать улики. Получается из рук вон плохо, так как никто из них в момент убийства не присутствует. Что ещё хлеще — из Москвы супероперативно (четыре дня) прибывает следственная комиссия во главе с

митрополитом Крутицким Геласием, Василием Шуйским и главой поместного приказа Елизарием Вылузгиным. Их вердикт — самоубийство при игре в тычки. Якобы в припадке эпилепсии (первом за свою жизнь) царевич сам зарезался (аккуратно раскроил себе горло).

Версия доложена на Освящённом соборе через две недели митрополитом Геласием. Вердикт: угличан измена явная, царевич же погиб Божьим судом. Заседание происходит без участия царя Фёдора (он на богомолье в Троице) и на фоне пожаров в Москве.

Угличан высылают в Пелым. Их колоколу отрезают язык. Нагие разъезжаются воеводами по Поволжью.

Пометки на полях

Чёрные легенды пригодятся, чтобы демонизировать Дмитрия в будущем. В конце калужского этапа будут писать то же самое дословно.

Эпилептики не могут удержать в руке предмета (неточно). Никто в роду Даниловичей эпилепсией не страдал.

Кровь на саблях, представленных Нагими, могла быть и настоящей. Нет ни одного достоверного свидетеля, упомянутого в документах. Их убивают угличане по своей воле или по приказу Нагих. Все всё знают с чужих слов.

Следствие очень скоротечно. Геласий — митрополит Крутицкий, это не его епархия. Не доверяют местным? Спецпредставитель патриарха? Он пишет сказку про царевича-самоубийцу, виновных угличан и заслуживающих снисхождения Нагих. Шуйский больше занимается силовой частью вопроса, Вылузгин и вовсе не отвечает. Выступления Геласия и Марфы Нагой согласованы до буквы. Почему вообще церковный суд, а не светский?

Царь Фёдор во время всего этого не интересуется судьбой брата (брата ли?). На богомолье в Троице. Троица — это ещё и крупнейшая неприступная крепость (Санега не даст соврать). Москва во время суда сгорает чуть не наполовину. Кремль в осаде (только разгромили Шуйских — и вот опять?). В пожаре обвинили Нагих.

Марфа Нагая в чести у Лжедмитрия I. Участвует (неохотно) в канонизации «сына» при Шуйском. Лжедмитрия II не признаёт, как и большая часть клана Нагих, но есть и исключения: ровесник и товарищ по детским играм царевича Дмитрия, Андрей Андреевич Нагой — верный сподвижник Лжедмитрия II, пройдёт с ним путь от Стародуба до Калуги. Его именем назовётся Лжедмитрий при переходе границы.

Всё это очень напоминает историю 1563 года, когда

умер (или был убит) Юрий Васильевич, а его старший брат бежал из Москвы в Александров. Тогда пролилось много крови. Здесь же дело показательно замяли.

В конце 1600-го, после расправы над Романовыми, в Москве начинаются разговоры о чудесном спасении Дмитрия и незаконности Годунова. Параллельно в Москве литовское посольство Льва Сапегы пытается договориться о союзе против Швеции.

В 1604 году в Северских городах появляется самозванец, выдающий себя за Дмитрия Угличского, чудом спасшегося в 1591-м. По легенде, в Кремль даже зовут Марфу Нагую для уточнения показаний. Суть её показаний максимально не определена.

Церковь запускает легенду про расстригу Гришку Отрепьева, который очень плохой человек и лжецаревич. Верят очень не все. Даже Фёдор Годунов не решается тиснуть эту версию в коронационную клятву, заменив «проклятого вора Гришку Отрепьева» на «того, кто называет себя Дмитрием Угличским». Разница налицо.

Самозванец сражается с годуновской армией на равных и побеждает. Перед вступлением в столицу торжественно встречает Марию Нагую. Нагие при нём на высочайших должностях (вплоть до конюшего). Гибнет в результате конфликта с Шуйскими и Голицыными (да и Церковь была не в восторге). Погиб в бою, труп подвергнут «торговой казни», объявлен самозванцем.

После его смерти на Москву идут атаман Болотников, Ляпунов, царевич Пётр. Повстанцы частью переходят на сторону Василия Шуйского, частью разбиты. Последние отчаянно держат осаду в Туле, но Дмитрия так и не дожидаются.

В Москве царь Василий Шуйский изменяет показания, опираясь на версию Нагих, он превращает царевича-самойщика в мученика, жертву властолюбия Годунова и бессовестности Битяговских. Дмитрий становится святым, на его могиле происходят чудеса. Возразить некому, Годуновы-Сабуровы страшно пострадали за год до того, Битяговских никто и не спрашивает.

За месяц до падения Тулы, осенью 1607-го, в Стародубе появляется некто Андрей Нагой, который затем называет себя Дмитрием Угличским. Ему верят. Он собирает небольшую армию, идёт к Туле, пишет гневные письма Шуйскому. Но Тула капитулирует, Шуйский на письма не реагирует (сжигает вестников заживо), и царевич поворачивает на запад, к границе. К нему прибывают «лжецаревичи» Фёдор, Лаврентий и ещё несколько. Их сначала принимают, а потом вешают на Смоленской дороге. Пришедшие с ними казаки покидают Лжедмитрия.

Но следующей весной к Дмитрию приходит армия во главе с Романом Ружинским, которая стремительно громит московские войска и доходит до Тушина. Там на полтора года создаётся альтернативная столица с альтернативными думой и патриархом.

Пометки на полях

Когда тело царевича переносили в Москву, его откопали за чертой города: то ли как самоубийцу, то ли Лжедмитрий приказал разорить гробницу. Максимально неудобный вопрос для фанатов Шуйского и РПЦ: если гробницу разорили в 1605 году — где записи о нетленности тела и чудесах на могилке в течение 15 лет после смерти? Если прикопали за городом как самоубийцу — кто такой дерзкий? Все Даниловичи, включая удельных уglichских князей, похоронены в Архангельском соборе — почему Дмитрия не перенесли туда? Незаконный сын от седьмой жены? Ну так не помешало же выделить в удел Углич и называть царевичем и наследником.

Когда до монастыря, в котором содержался Филарет Романов, дошли слухи о царевиче Дмитрии, он бунтует и говорит: «Посмотрите, кем я буду». С чего вдруг? Его отец — среди регентов, отправивших Дмитрия и Нагих в Углич. Прямого родства с (официальным) Дмитрием нет. Нагие и Романовы не ладят. Откуда такая эйфория? А вот если ждём двоюродного племянника, сына Ивана Ивановича, которого спас из Углича ценой своей свободы и жизни братьев — тогда поведение Филарета становится понятным.

Москвичи не вели переговоров с казаками царевичей

— видимо, понимая, что к ним пришли мстить за кровь убитого царя Дмитрия. А вот с Болотниковым весьма даже общаются, как и с Шаховским. И требование одно: «Покажите нам реального Дмитрия — мы завтра всем городом ему повинимся и поклонимся». Если речь об убитом лжецаре, то это взаимный троллинг, а не переговоры. С учётом серьёзности многочасовых обсуждений — в троллинг не верится. Видимо, речь идёт о другом, реально живом Дмитрии, к которому москвичи относятся куда лояльнее, чем к убитому.

Болотников и Шаховской очень неохотно взаимодействуют с царевичами в 1606-м. От Москвы Болотников отступает в удел наследника (Калугу) и выдерживает там тяжёлую осаду (невозможно без лояльности горожан). Оба не казнены после сдачи в плен, хотя дрались до конца. «Царевичей» вешают.

Сохранилось воспоминание очевидца в Ярославле, что Болотников сохранил бодрость и дерзость в ссылке, обещал вернуться с царевичем и повязать своих стражей. Не похоже на человека сломленного и разуверившегося.

Болотников встречается с Дмитрием якобы в Самборе, но из текста этого явно не следует. Может, и в Литве. Царевич Пётр, бросив войска, зимой 1606 — 1607 годов едет в Витебск договариваться с

«дядей» Дмитрием. Инкогнито, под прикрытием, но все всё понимают. Не находит, или не договариваются. Там же, в Витебске, случилось первое публичное появление Лжедмитрия II. Потом он появляется в Стародубе и воюет в его окрестностях. Почему не уходит в Путивль — признанную столицу восстания? Потому и не уходит, что это не его столица и не его восстание. Стародуб — вотчина Воротынских, сторонников отца.

Отношения поклонников первого и второго Лжедмитриев антагонистичны: Мстиславский — первый боярин для первого и враг для второго, дважды не пустивший его в Москву (1608 и 1610); Трубецкие отчаянно защищают Новгород-Северский против первого и служат второму; Филарет Романов — никто в табелях первого (его возвращает из ссылки Боярская дума, а не царь) и наречённый патриарх, брат для второго; первый переписывается с казачьими «лжецаревичами», зовёт их в Москву, второй их казнит и называет «лжецаревичами».

Даже поляки у них разные: апологеты первого — Вишневецкие, возжи вечно бунтующей Украины, части Польши после Люблинской унии; апологеты второго — Сапегы, некоронованные владыки тогдашней Литвы.

В лагере под Орлом поляки устраивают серию «вопрос — ответ» для Лжедмитрия II и уходят

оттуда с двумя простыми мыслями: «Это определённо царь. Это определённо не наш прошлогодний наниматель».

Они даже внешне по описаниям не похожи: второй — выше, светлее и не знает латыни (в отличие от первого). Никаких иезуитов в его окружении не представив, он нарочито публично путает «архиепископа» и «архибеса», переходя на литовский.

Какова же была история доброго царя Дмитрия, правившего Россией, но так и не взявшего Москву? Главной чёрной легендой о нём является легенда о безропотной игрушке в руках поляков, пришедших разорять и покорять Московию.

Это неправда. Дмитрий как раз был единственным последовательным патриотом из плеяды смутных царей, не соглашавшимся на уступки в вопросах царства и веры. Легенда эта такая же злая и убогая, как подменённый Пётр, свихнувшийся содомит Иван Грозный или Rasputin — Russian crazy love machine. И единственная из перечисленных, которую тискают в школьные учебники.

Вернёмся к истокам борьбы Дмитрия за престол.

Первая попытка сесть на дедов (а может, и отцов) трон у царевича Дмитрия случилась в 1600 году. Историю мы знаем по осколкам, но собрать их воедино не то чтобы сложно.

На фоне недорода и голода сильно болел непопулярный боярский царь Борис Годунов. Он пытался выдать замуж свою единственную дочь Ксению. Вокруг вились шведские и

датские принцы, манил и слал свою корону для будущих торжеств Максимилиан Австрийский. А потом случился скандал в Боярской думе, по результатам которого очень пострадали Романовы. Их усадьбу взяли штурмом, мир покинули сотни боевых холопов, и появился один скромный чернец Григорий Отрепьев. Появился в покоях Крутицкого митрополита Пафнутия — второго человека тогдашней Церкви. Митрополитом Чудова монастыря был всё тот же Пафнутий. Он, кстати, не отказался от подопечного и во время его войны с Шуйским, был в Тушине, хаял Гермогена в ходе легендарного июльского диспута у Серпуховских ворот в 1610-м. После смерти царевича поддерживал ополчение, умер под стенами Москвы. В истории Церкви о нём говорят максимально кратко, а жаль.

Отрепьев бежал за рубеж в феврале 1602-го, провёл в Чудовом монастыре примерно год, то есть поступил в него в самом начале 1601-го, а надел куколь незадолго до этого — значит, постригся в 1600-м. Громили бояр Романовых и Черкасских как раз в конце 1600-го. И вот ещё одно совпадение: именно в 1600-м по всей России распространилась молва о чудесном спасении царевича Дмитрия.

В своей грамоте патриарх Иов писал о сумевшем скрыться слуге бояр Романовых: «Этот человек звался в мире Юшка Богданов сын Отрепьев, проживал у Романовых во дворе, сделал какое-то преступление, достойное смертной казни и, избегая наказания, постригся в чернецы, ходил по многим

монастырям, был в Чудовом монастыре дьяконом, бывал у патриарха Иова во дворе для книжного письма, потом убежал из монастыря с двумя товарищами, монахами Варлаамом Яцким и Михаилом Правдиным».

Удивительно, что так хорошо осведомлённый о беглеце патриарх не смог назвать преступления, совершённого тем, кого он именует Отрепьевым. И почему, чтобы арестовать обыкновенного преступника, понадобилось посылать полк стрельцов и с боем брать двор Романовых?

Понятно, какое преступление. Вся история смерти царевича — просто способ прикрыть задницы проштрафившихся Нагих, у которых его банально выкрали. Царевич сначала больше месяца болеет, его никому не показывают, потом его якобы находят убитым Битяговскими, которых быстро и жестоко режут. В Угличе мятеж, но, когда Нагие пытаются продолжить в Ярославле, их быстро останавливают. Могилы, что показательно, нет.

Вот только тогда, в 1600-м, Романовы сильно переоценили свои возможности и влияние. Мстиславский, Шуйский и немного Годунов совершенно не стремились пускать Фёдора Никитича к верховной власти, а его выкормыша — на трон. Схема с Дмитрием — наследником, женатым на Ксении — так и не случилась. Но русский Феникс, не взлетев на свой законный трон, и в руки сомнительного годуновского правосудия не попал.

Спас его митрополит Крутицкий Пафнутий. Он был в сви-

те Геласия в Угличе в 1591-м, он родственник (неточно) и хороший знакомый Романовых. Перед бегством в Литву царевич год прожил у него в Чудовом. Недаром в Путивль потом посылали чудовских монахов. Отрепьев, не случившийся царевич, был там звездой. Потом, в 1602 году, на фоне некоторой либерализации режима для большинства пострадавших по его делу (точно коснулось Ивана Романова, Михаила Катырева и Фёдора Шереметева) или при попытке перевода на Соловки, он исчез из монастыря в сторону западной границы. История его бегства, кстати, подробно описана.

Про литовский период его жизни достоверных материалов нет. Есть три очень характерных истории из того периода. Зимой 1606-го, готовясь к восстанию против Дмитрия-самозванца, Василий Шуйский посылает посла в Польшу к королю Сигизмунду и просит прислать истинного то ли царевича, то ли Дмитрия. Следует отказ. За год до этого на сейме, посвящённом обсуждению экспедиции Лжедмитрия I, самым загадочным выступавшим был Лев Сапега, говоривший, что «истинный царевич найдёт другие способы для защиты своих прав». А год спустя, в самом конце 1606-го, по Беларуси метался путивльский царевич Пётр, разыскивая «дядю» в самые горячие дни московской осады. Не нашёл. Или не договорились.

Проявляется царевич в Витебске в 1606-м, оказывается в шкловской тюрьме (неточно). Истории про нищету и бродяжничество куда как более похожи на историю реального

Отрепьева, но не на судьбу эмигранта царских кровей. У Даниловичей, потомков Витовта, и их подручных, Трубецких и Воротынских, было немало владений и связей по ту сторону границы. Его незаконнорождённый сын Ян Лаба не бедствовал, мягко говоря. Вряд ли с отцом обращались хуже.

Бежит в Россию в 1607-м, называясь Андреем Нагим. Проявляется в Стародубе (вотчина Воротынского). Собирает небольшую армию, идёт к осаждённой Туле, пишет предерзкие (но не сохранившиеся) письма выкрикнутому царю Василию. Узнав о капитуляции Болотникова, отступает в Стародуб. Шуйский тем временем закручивает гайки в Москве, пыточные полны народа. Казнят недавно амнистированных повстанцев и сторонников Дмитрия.

Весной 1608-го у него собирается приличная армия. В ней — православный прокоролевский князь Роман Ружинский, запорожский атаман Иван Заруцкий, а после и Ян Сапега. Все трое — православные по рождению, двое первых — на момент событий. Их участие в походе на Москву дало право нашим историкам считать Дмитрия Угличского польской марионеткой. Во-первых, ни один из них — не поляк. Во-вторых, они сами позиционируют себя как наёмники. Да, оказавшись в тяжёлом финансовом положении в 1609-м, Дмитрий передаст управление Владимирской четью (вотчиной его врагов Шуйских) Сапеге, а Рязанской четью (вотчиной его врагов Голицыных) — Ружинскому. То есть передаст своим верным сподвижникам из числа старших Гедимино-

вичей вотчины своих врагов и государственных преступников (которые ещё отвоевать надо). Что в этом такого нетипичного? Иван III раздавал земли Патрикеевым, Василий III — Острожским и Глинским, Иван Грозный — Бельским и Мстиславским. Семейная традиция, однако.

А ещё в русских источниках пишут, что огромная армия Шуйского версии 1607 года просто не пришла в следующем году на его призыв. Сидела по поместьям? А может, пришла, да не к нему? Армия царевича в одном небольшом сражении под Болховом громит армию Шуйских (Смоленск, Нижний и Великий Новгород) всё ещё верны династии и шлют солдат) и осаждают Москву. Но штурм не удаётся. В Москве не так много людей, которые против царевича Дмитрия, но четверо из них очень влиятельны и непримиримы.

Враг номер один — патриарх Гермоген, решивший поиграть в клерикальное царство. Вряд ли царевич подтвердит приказы Шуйского о возвращении Церкви льгот. Да и за танцы с костями «святого царевича» вряд ли можно простить. Самый ненавистный патриарх XVII века (прославленный только в XX) стал бы рядовым монахом и вряд ли задержался бы на этом свете. Моральный авторитет и финансовое могущество Церкви стало самым страшным врагом царевича, и, несмотря на помощь Ростовского и Коломенского митрополитов (первый стал наречённым патриархом), на этом поле царевич проиграл.

Враг номер два — царь Василий Шуйский. Смоляне, нов-

городцы и нижегородцы видели в нём природного князя (по крайней мере, их элита). Почти полстраны и её экономическое сердце. Плюс князя прекрасно знали в Польше и Швеции. Можно было попросить помощи. Шуйский мог попросить договориться с царевичем, но корона показалась дороже. Даже его младший брат, Дмитрий Шуйский, в разгар войны советовал договориться со своим тёзкой и не открывать двери ада. Царь не слушал.

Враг номер три — первый боярин думы князь Мстиславский. Враг Романова (постриг его, отомстив за постриг отца в 1585-м), апологет ордынской династии, членов которой Дмитрий Иванович не щадил. В 1608-м, после смерти сестры и племянников, он последовательно мстит Дмитрию Ивановичу. Самый пропольский боярин думы сделает всё для унии с Польшей. А пока он бьётся с царевичем Дмитрием и напрягает свои старые связи в Крыму и на Украине.

Враг номер четыре — Василий Голицын. Он некоронованный владыка Рязанской чети. В его руках — лучшая тяжёлая кавалерия царства. В его сердце — малопонятные амбиции самому примерить шапку Мономаха. Как дальний родственник Мстиславского, видимо, рассчитывает на его поддержку.

Эти люди не слишком любят друг друга, но общий враг сближает.

Силы неравны, но близки. Дмитрию чуть не присягнул Новгород. На севере армия Сапег и армия Скопина увяз-

ли в долгой позиционной войне. На Волге армия Шуйского во главе с Фёдором Шереметевым азартно громит армии ордынских царевичей, берёт кровавым тяжёлым штурмом Касимов — оплот всех татарских царств и царевичей. Шуйский очень зовёт его под Москву, но тут воевода Фёдор, «идучи не идяху», полтора года не может одолеть крошечный отряд атамана Просовецкого. Да и Скопин к Москве не рвётся: то у него шведские наёмники взбунтуются, то порох не подъедет.

Москва изнемогает в осаде. Кажется, вот-вот — и удастся договориться полюбовно: восставшие москвичи вынесут хлеб-соль доброму царю Дмитрию. Не в силах победить честно, осаждённые князья идут на государственную измену: Корелу с округом меняют на вспомогательное шведское войско. Это ещё малый грех. В 1609 году на Московию идёт крымская армия калги (второй человек государства) Джанибек-Гирея. Она громит верные Дмитрию южные области, доходит до Серпухова. Бóльшая часть русских частей Дмитрия уходят на крымскую войну — объективно это главный фронт для Дмитрия. В 1610 году крымцы повторяют поход, но тогда Воротынский бросится из Москвы к крымской армии и уговорит не отстаивать права обанкротившихся Шуйских. В 1609-м в Тушине остаются запасные батальоны и наёмники (да-да, как в Питере зимой 1916 — 1917 годов). Царь идёт на вынужденные уступки им. Появляются децемвиры, контролирующие его финансы, литовские вожди похода получают русские города в окормление.

И тут свой главный козырь на стол кладёт Шуйский: в Россию входят польские войска. В самом тушинском лагере происходит переворот, царевича фактически берут под арест. Шуйский явно идёт на озвученные в 1600 году условия унии. Сигизмунд идёт под Смоленск, который ему обещали сдать без боя, с явно не осадной армией (бóльшая её часть — тяжёлая кавалерия). Но Смоленск не открывает ворот (как и Корела — шведам) — великий кидала Шуйский в своём репертуаре.

На фоне всеобщего удивления происходящим русский Феникс снова спасается. С личной охраной он бежит в Калугу, откуда обвиняет в измене Романа Ружинского и Михаила Салтыкова. Второй будет самым ярким сторонником династии Васа на московском троне, правя там их именем в 1612-м и чуть не сдав Москву в 1618-м. Первый не переживёт разгрома тушинского лагеря и погибнет раньше царевича. Сапега отступает в Калугу к царевичу. В его обозе приедет бывшая московская царица Марина Мнишек — якобы жена Дмитрия Угличского, беременная якобы от него.

В столице царь Василий травит Скопина на пиру у Воротынского. История была преподнесена как ремейк трагедии Ивана Грозного и Владимира Старицкого. После его смерти династия обречена, хоть и не понимает этого. Дмитрий Шуйский, Андрей Голицын и Григорий Валуев в компании Делагарди ведут армию Шуйских к клушинской катастрофе. В ней обычно обвиняют Дмитрия Шуйского, но авангард Ва-

луева просто перешёл на сторону поляков, крыло Голицына по факту дезертировало, наёмники тоже сменили работодателя на почётных условиях. Смоленские и новгородские стрельцы бились как и сколько могли, но их было мало, и силы их были измочалены многолетней гражданской войной.

После клушинской катастрофы царевич собирает наличные силы и идёт к Москве. В самой Москве — переворот, царём выкрикнули Василия Голицына. Шуйского при этом недосвергли, он пытается опереться на лояльных стрельцов. К городу почти синхронно подходят рати Дмитрия с юга и коронного гетмана Жолкевского — с запада. Дмитрий успевает чуть раньше, у Серпуховских ворот под руководством Филарета Романова происходит митинг-концерт, на котором москвичи присягают законному царю Дмитрию. Не помогает даже личное вмешательство Гермогена. На 3 августа было назначено торжественное вступление Дмитрия Ивановича в город. Утром того же дня его армию атаковал отряд Валуева. Ещё несколько дней спустя его предаст Сапега, перейдя на сторону Жолкевского. В Москве же перехитривший всех Мстиславский становится главой правительства, отправляя в посольство к Сигизмунду (и косвенно — в казематы Гостынинского замка) апологетов всех претендентов на трон: и Романовых, и Голицыных, и Шуйских. Голицын, впрочем, вплоть до своего ареста поддерживает переворот и на что-то надеется.

Последние полгода в Калуге были тяжёлыми: царевич каз-

нил пленных поляков, отбивался от покушений и принимал неожиданные присяги от городов, доселе верных Шуйским. Подумывал то об отступлении в Астрахань, то ещё об одном наступлении на Москву. Его силы росли, Смоленск держался, а татары и шведы переключали внимание на поляков. Он ждал, он как никто умел ждать и верить. И время работало на него.

Снежным декабрём 1610 года он поехал развеяться и поохотиться на зайцев. Чуть позже из города вылетела татарская сотня, подгоняя себя гортанными криками: «Хура! Корк!» («Убью! Бойся!») Их сотник Пётр что-то прокричал перед тем, как выстрелить в обнажившего саблю царевича, потом добил умирающего, срубив ему голову. Рядом умирала немногочисленная охрана.

Царевича похоронили в центральном соборе Калуги. А за трон схватились другие: Голицыны (это потом назовут Первым ополчением), Марина с её «ворёнком», Трубецкой, Церковь, царевичи Васа, Романовы.

Он во многом повторил судьбу деда: тоже рано лишился родителей, тоже упорно и отважно, на пределе человеческих сил боролся за свой законный трон. И да, «польская марионетка» ни в коем случае не запятнал себя изменой родине, в отличие от Шуйского и Мстиславского. 300-летняя держава Даниловичей закончилась, передав эстафету 300-летней державе Романовых-Ольденбургов.

Я правда не понимаю, почему в Тушине стоит памятник

гладиатору, а не ему.

Царь Митрюшка

Настала очередь Лжедмитрия III. В этом плане я ничуть не лучше историков. Если о первых двух самозванцах они говорят много (не всегда правду) и с упоением, то про третьего говорят сильно мало. И не зря: неудачливый Дмитрий Иванович под номером три — личность сверхтоксичная.

От престола он, правда, был подальше, чем первые два, но свой миг успеха имел: 2 марта 1612 года так и не разгромленное Ходкевичем ополчение (земская рать, хотя на тот момент уже скорее казачья) провозгласило его царём. Продержался он, правда, недолго и нигде (кроме Пскова и Замоскворечья) признан не был. Потому и не подарил нам одного из самых умопомрачительных браков в нашей истории. Зато подарил историю спецоперации по своему аресту и спасению, которую изучают все спецслужбы мира (ну или мне этого просто хочется).

Итак, официальная версия жизни лжецаря.

Кем был вновь объявившийся самозванец, неизвестно. Русские авторы допускали вопиющие противоречия, едва речь заходила о Лжедмитрии III. Придворный летописец Романовых утверждал, будто тот был москвичом: пришёл в Ивангород «с Москвы из-за Яузы дьякон Матюшка и назвался царём Дмитрием». Современники подозревали, что новый «вор» происходил из духовного сословия, но его под-

линного имени так и не установили. Свой рассказ о царе Матюшке автор «Нового летописца» снабдил неожиданным заголовком: «О Сидорке, псковском воре». Итак, последнего самозванца звали то ли Матюшкой, то ли Сидоркой.

Где был этот человек в момент гибели Лжедмитрия II, никто не знает. Прошло немного времени — и дьякон сбежал из Москвы в Новгород. Опустошив свой тощий кошелёк, Сидорка-Матюшка попытался заняться мелкой торговлей. Он раздобыл несколько ножей и ещё кое-какую мелочь и задумал сбыть товар с выгодой для себя. Предприятие быстро лопнуло, и беглецу пришлось просить милостыню, чтобы не умереть с голода. В один прекрасный день он наконец собрался с духом и объявил новгородцам своё царское имя.

Толпа осыпала новоявленного царя бранью и насмешками. Многие узнали в нём бродячего торговца. Незадачливому самозванцу пришлось спешно убираться из Новгорода. Всё же ему удалось увлечь за собой несколько десятков человек. С ними он бежал в Ивангород. Крепость эта находилась в руках бывших тушинцев, и самозванец рассчитывал на их любезный приём.

Пометки на полях

В это время Новгород порвал и с правительством Владислава, и с земским правительством и перешёл под покровительство Швеции. Триггером переворота стало падение Смоленска. Объективно антипольски

настроенный Новгород казнил Ивана Салтыкова (наместника от Владислава) и изначально поддержал Первое ополчение. Но потом в город впустили Делагарди и отделились от Москвы. Шведам (в отличие от поляков в Москве) удалось создать вполне устойчивый оккупационный режим. Новгородские дворяне (о ужас) сражались со псковичами и ополченцами на стороне шведов. Череда восстаний имела место в 1613 — 1614 годах, но даже тогда честнее говорить о гражданской войне между промосковской и прошведской партиями, а не о всенародной войне.

Самозванец Митрюшка (первый случай, когда самозванцу сохранили его имя, не иначе как по недосмотру) появляется сразу после переворота и пытается смутить духовенство и купцов. Без большого успеха. Митрополита Исидора когда-то поставил на эту должность Василий Шуйский (ещё как наместник). Род Шуйских популярен у купцов, не раз поднимавшихся на восстания в поддержку природных нижегородских князей.

Ивангородцы изнемогали в неравной борьбе. Несколько месяцев крепость осаждали шведы. Затем к городу подошёл пан Лисовский с отрядом. Горожане не поверили его дружеским заявлениям и заперли перед ним ворота.

Наконец их призывы о помощи были услышаны: в город прибыл воскресший Дмитрий собственной персоной. Три

дня ивангородцы палили из пушек в честь долгожданного спасителя. Простым людям «царёк» казался своим человеком. Иноземцы находили его смелым и находчивым краснобаем. Добившись признания в Ивангороде, самозванец тотчас завязал тайные переговоры со псковичами. Город отказался от присяги в пользу королевича Владислава. «Царёк» в начале июля разбил свои бивуаки во псковских предместьях. Его посланцы потребовали ключи от города. Псковичи долго советовались, как быть. В конце концов они решили, что проживут и без «царька».

Матюшка окончательно испортил дело после того, как велел захватить городское стадо и на славу угостил своё войско. Шесть недель самозванец маячил у стен крепости, а затем внезапно исчез. При поддержке новгородских и псковских дворян шведы попытались силой овладеть непокорным городом. 8 сентября 1611 года они взорвали крепостные ворота и устремились на приступ со стороны реки Великой. Наёмники помнили о «новгородском взятии» и предвкушали лёгкую победу. Они готовились разграбить древний город. Но псковичи давно изгнали из своего города всех, кто мог оказать помощь врагам. И потому шведские солдаты не добились тут успеха. Приступ был отбит. Пять недель неприятель осаждал крепость, а затем отступил к Новгороду.

Вскоре Псков подвергся нападению с запада: король Сигизмунд III направил против Пскова армию гетмана Ходкевича, стоявшую в Ливонии. Ходкевич осадил Псково-Печер-

ский монастырь. В течение полутора месяцев тяжёлые осадные пушки вели огонь по монастырским укреплениям. В нескольких местах стена крепости покрылась трещинами и осела. Но стрельцы, монахи и окрестные крестьяне, затворившиеся в монастыре, не теряли мужества: отразив семь вражеских приступов, они вынудили Ходкевича снять осаду и отступить в Ливонию.

Пометки на полях

С учётом гастрономических вкусов — в армии Лжедмитрия много поляков. Его враги — шведы. Псков его с первой попытки не принимает, хотя сторонники в городе у него определённо есть.

Псков давно заявил о поддержке земского освободительного движения. Горожане готовы были послать войско, чтобы ускорить освобождение Москвы. Но им пришлось самим запросить помощи у земского ополчения, чтобы выстоять в неравной борьбе. «Многие напасти на нас сходятся отовсюду, — писал псковский „мир“ вождям ополчения, — а помощи ниоткуда нет!» «Совет всей земли» откликнулся на это обращение: во Псков выступил воевода Никита Вельяминов, а за ним — Никита Хвостов с отрядом казаков.

Смерть Ляпунова развязала руки сторонникам самозванцев в подмосковном ополчении. Однако среди них не было единомышленников. Шведы получили достоверную информацию о том, что Заруцкий старался убедить казаков избрать в цари

Ивана Дмитриевича. Однако «царевич» был грудным младенцем, и все понимали, что править за него будет его мать Мнишек. Вдова двух самозванцев, однако, не пользовалась никакой популярностью в народе.

Прибытие во Псков отрядов ополчения мгновенно изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации псковские низы потребовали признания «истинного государя». Их посланцы выехали в Ивангород и передали Лжедмитрию приглашение псковского «мира». Матюшка не стал ждать, пока его попросят дважды. 4 декабря 1611 года кавалькада показалась в окрестностях Пскова. Жители успели простить «государю» забитых коров из городского стада. Они устроили ему радушную встречу. Воеводы не имели сил противиться общему порыву. Матюшка тотчас вознаградил их за покорность. Воеводы, князь Иван Хованский и Никита Вельяминов, сподобились боярского чина и заняли почётное место подле самозванца. Обосновавшись во псковском детинце, Матюшка сразу же отправил в подмосковные таборы атамана Герасима Попова с воззванием к тушинским ветеранам.

Пометки на полях

Шуйские в Польше ведут жизнь затворников в государственной тюрьме — Гостынинском замке. Их публичное появление во время торжественной присяги Сигизмунду — конец октября 1611-го. И, в отличие

от достойного поведения в лагере под Смоленском, на ней Шуйские не демонстрируют и тени строптивости, охотно говорят панегирики польскому королю. Именно на этот период куда-то пропадает Лжедмитрий III. Главный кандидат на русский трон от них — Дмитрий Иванович Шуйский, младший брат свергнутого и постриженного царя Василия.

Декабрь 1611-го — время самых страшных боёв ополченцев с Ходкевичем. После боевой ничьей (Москву не взяли, но и ополчение устояло) у власти в «Совете всей земли» — триумвират тушинцев: Заруцкий, Трубецкой, Просовецкий. Лжедмитрий под номером три поладил как минимум с первым.

Москву кошмарят только литовские отряды, поляки (во главе с клушинским триумфатором Жолкевским) не вмешиваются, даже денег королю на эту войну зажимают. Одновременно в окрестностях Москвы вновь нарисовался пан Юрий Мнишек, не иначе как дочку сватать.

Казачи созвали круг и внимательно выслушали речи государева посланца атамана Попова. Некоторые из участников круга открыто выражали сомнения в чудесном спасении Дмитрия. Было решено отправить во Псков особую делегацию для опознания царя.

Лжедмитрий III удостоил посланцев ополчения торже-

ственной встречи. Допущенные к руке, старые казаки убедились, что перед ними самозванец, нисколько не похожий на их прежнего «царька». Но вооружённая стража Матюшки окружала трон толпой, и казакам поневоле пришлось прикусить язык. Никто из них не решился обличить «вора». Под нажимом псковичей послы направили ополчению грамоту с подтверждением истинности Дмитрия.

Последующие события развивались под действием неудержимых стихийных сил. 2 марта 1612 года казачий круг, на котором присутствовало также много чёрных людей — москвичей, провозгласил государем псковского самозванца. Вожди ополчения, Заруцкий, Трубецкой и другие, помня о судьбе Ляпунова, подчинились кругу. Они вместе с казаками принесли присягу на имя Лжедмитрия III и вернулись в свою ставку в сопровождении торжественной процессии под грохот артиллерийского салюта. Народ приневолил целовать крест дворян из полка Трубецкого, попавшихся им под руку. Вождь ополчения Заруцкий оказался бессильным перед лицом стихии. Он подчинился восставшему народу, но попытался дать своё толкование акту присяги. Тотчас после переворота воеводы, «холопы Митка (Трубецкой) и Ивашко Заруцкий», били челом «государыне» Марине Юрьевне и «государю царевичу» всея Руси Ивану Дмитриевичу. Заруцкий ориентировался не на Псков, а на Коломну, где находились Марина Мнишек с сыном. Он исподволь готовил почву к тому, чтобы посадить на трон «ворёнка».

Пометки на полях

Нижегородцы, несмотря на прямую военную угрозу, посылают в ярославский поход отборные силы. Их основа — смоленские дворяне-эмигранты, изгнанные из поместий Сигизмундом. Отборный полуторатысячный отряд идёт по кратчайшему пути во Псков, но останавливается в Ярославле и четыре месяца ждёт. Версии разные: мор, сбор войска. Идут переговоры со шведами, австрийцами, новгородцами, представителями Заруцкого и псковичами. Итогом, как мы знаем, стал фактический союз со шведами и атака на сторонников Заруцкого и «псковского вора» (те как только могли уклонялись от братоубийственной войны).

Во Пскове появляется дом для Марины Мнишек (сама Марина не появляется). Заруцкий параллельно бьёт челом царю Дмитрию и царице Марине в худших тушинских традициях 1609 года.

Переворот получил поддержку в южных и Северских городах, прежде примыкавших к калужскому лагерю. Там находилось немало атаманов и казаков, сражавшихся в армии Болотникова. На востоке власть псковского самозванца поспешили признать небольшие города Арзамас и Алатырь. Зато Казань, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль и Ко-

строма встретили избрание Лжедмитрия III как незаконный акт, противоречащий воле земли.

С весны в России образовалось два земских правительства: одно оставалось в Подмоскovie, другое сделало своей столицей Ярославль. В течение четырёх месяцев «выборный всею землёю человек» Кузьма Минин заново организовал управление обширной территорией, отказавшейся признать власть Лжедмитрия III. Отряды Заруцкого были изгнаны с этих земель. Многие дворяне и казаки перешли под знамёна Пожарского.

Очень скоро Заруцкий убедился в непопулярности Лжедмитрия III. Во Псков выехало казачье посольство с приказом арестовать его.

Самозванец пытался бежать, но был пойман и в оковах увезён в таборы. На перехват бросился лучший польский рейдер Лисовский. То ли перехватил (польская версия), то ли нет (русская) — и Митрюшку казнили в начале правления Михаила Романова.

Итого, если убрать эмоциональные набросы, Лжедмитрий III — пропольски настроенный кандидат со связями во Пскове и Новгороде. Воевода явно опытный, но хронический неудачник: проиграл большинство сражений шведам и новгородцам. Внешне старше Лжедмитрия I (по сообщению Петра, шведского дипломата). Шведы готовы признать его псковским наместником при переходе под руку Карла Филиппа (дьякона-расстригу?).

Ополченцы ведут себя по отношению к нему непоследовательно: сначала не признают подмосковные, нижегородцы идут в героический марш по кратчайшему пути ко Пскову, затем меняются местами. Уже Заруцкий ждёт его с распростёртыми объятиями под Москвой, а Минин и Пожарский называют «вором». Арестовывает его свояк князя Пожарского Хованский и везёт в оковах к Трубецкому. Заруцкий от таких новостей бежит с приверженцами в Коломну.

Я думаю, вы и сами назовёте имя «псковского вора»: это Дмитрий Иванович Шуйский, брат последнего царя. Его, в отличие от Василия, легко вербуют и уже в июле 1611-го отправляют перехватывать у шведов и Одоевского Новгород. Антипольски настроенный город явно не оценил рассказов чудесно спасшегося из польского плена боярина с польской же (или казачьей) свитой. Попытка вроде наивная, а вроде и нет. В 1608-м город при аналогичных обстоятельствах полыхнул восстанием и чуть не переметнулся. Крошечная армия Делагарди могла и не справиться. Но вот боярин Одоевский — максимально антишуйский персонаж с кучей местных счётов к бывшему царю и его братьям. А главное — вполне эффективный правитель, выкорчевавший крамолу.

Дмитрий не отчаивается и идёт перехватывать у ополчения Псков. С явно польским отрядом (русские в ту эпоху не станут есть телятину). Город — тоже когда-то оплот Шуйских, именно они его героически обороняли от Бато-

рия (брат Андрей и двоюродный брат Иван Петрович). Но и псковичи не ведутся: незадачливого агента отзывают в Польшу, тем более что напуганные шведы и литовцы по очереди идут ко Пскову уточнить, кто там такой дерзкий и непонятливый.

После сейма 1611-го поляки напрягают старые связи, и Заруцкий едва не организывает свадьбу, которая объединила бы Шуйских (царь Дмитрий), Симеоновичей (вдовствующая царица Марина) и Даниловичей (царевич Иван Дмитриевич). Эта схема даст Польше подчинённую, но не пролитовскую Московию. Пролитовская же для поляков — страшная головная боль: Гедиминовичи вновь станут сильнее Ягеллонов, могут и про Волынь с Киевщиной вспомнить.

По понятным причинам против такого царского правительства выступают ограбленные поляками смоляне и нижегородцы Пожарского и московские Гедиминовичи во главе с Трубецким. Резко против — Церковь. Ну там шведы, литовцы, новгородцы тоже не одобряли. Расчёт, видимо, был на то, что Шуйскому удастся перетащить на свою сторону Нижний и Казань и опереться на их ополчения, но популярность конкретно этого потомка нижегородской династии там оказалась ниже плинтуса. «Русская присяга» Шуйских в Варшаве октября 1611-го, когда о ней узнали ополченцы, мигом превратила царя Дмитрия Ивановича Шуйского в «вора» и изгоя. По касательной прилетает и вчерашнему герою Заруцкому. Но и этого хватит, чтобы закончить жизнь на колу на

Пожаре.

Спас ли его Лисовский? Или всё же казнил Романов/Трубецкой? Поистине самый бесполезный вопрос Смуты. Видимо, всё-таки спас, чтобы полгода спустя его отравили в Гостынинской тюрьме. Сигизмунд очень хотел в московский поход, а это требовало поддержки литовцев, для которых Шуйский — враг, и злой враг. Карту сыграли и бросили в отбой.

Реабилитация семейства Шуйских в 1634 году позволила вычеркнуть историю Лжедмитрия III из биографии этого великого рода. Их потомки, Долгорукие и Прозоровские, были у власти и очень постарались скрыть этот позорный сюжет из своих биографий. Романовым и Церкви тоже нужен был несчастливый вояка и терпеливый мученик, а не иуда из высшего боярства. Как может предать московский боярин и природный русский князь?

К сожалению, может.

Лжедмитрий IV.

Последний хан у московского трона

Лжедмитрий четвёртый и последний. «Астраханский вор». По версии наших летописей — самый приличный самозванец. Появился в Астрахани в 1611-м вместе с Петром Урусовым, понимания не встретил и растворился в дыму. Его история (как и многое в нашей Смуте по официальной версии) коротка, отрывочна и бредова.

Начнём с того, что, по версии наших летописей, Лжедмитрий IV выдавал себя за чудом спасшегося Лжедмитрия II. Представьте себе сами: его покровитель — открытый убийца доброго царя Дмитрия Калужского Пётр Урусов (открытый, так как оправдывает свой поступок кровной мстью, что — по степным, да и не только, обычаям — поступок вполне достойный). Это абсолютнейшая нелепица, которую может выдержать лукавая книга Карамзина, но не реальная жизнь.

Попала в учебники ещё и выдержка из письма Семибоярщины вождям Второго ополчения в Ярославль: *«А другой вор, также Димитрий, объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского убил. И такими воровскими государями крепко ли Московское государство будет и кровь христианская литься и Московское государство пустошиться вперёд перестанет ли?»* К чему вообще это написано? Неужели князь Пожарский и Кузьма Минин рас-

смаатривали его кандидатом в цари? Или кто-то ещё из Второго ополчения? Вопросы, вопросы...

В феврале 1613 года, перед тем как избрать на трон Михаила Романова, Земский собор отдельно оговаривает круг лиц, кому корона не достанется ни при каких обстоятельствах: это королевичи Васа, отцы которых обманом взяли Москву и Новгород, «ворёнок» с полькой Мариной Мнишек и загадочные татарские царевичи. Ой ли исчез с горизонта Дмитрий под номером четыре? Не Симеона же Саин-Булата (уже постриженного в монахи слепого старика) боялись в Москве? Не Симеона, конечно. А кого тогда?

Из людей, носивших титулы царевичей, на 1612 год оставались внуки двух одиозных деятелей эпохи Ивана Грозного. Первого из них звали Симеон Бекбулатович — великий князь Тверской, когда-то Московский, а до этого касимовский хан и прямой потомок династии Чингизидов. Потомок Ахмата, Тимура-Кутлуга и Джучи-хана. Второго звали Кучум — сибирский хан. Бодрый старикан, отвоевавший Сибирский юрт у его природных князей, 40 лет с очень переменным успехом сражался с русскими (и не только) в Сибири и окрестностях. В табели о рангах Чингизидов — пожиже, потомок Шибана, но личность известная. В ходе боёв дети, внуки и племянники Кучума попадали в русский плен и использовались в целях дипломатии и управления далёким востоком. Последним не зависимым от России сибирским ханом был сын Кучума — Али ибн Кучум, правивший в Си-

бири в 1600 — 1607 годах. Его внук, Арслан, стал последним относительно независимым касимовским ханом (правил в 1614 — 1626 годах, но уже в 1621-м его власть была сильно ограничена осмелевшим царём Михаилом). Его правнук, Сеид-Бурхан, в 1654 году перекрестится в боярина Василия Арслановича Касимовского. Другие потомки Кучума сохранили титулы сибирских царевичей до 1718 года, когда очень неосторожно поддержали царевича Алексея (не иначе как из солидарности царевичей). Пётр Великий, и без того не жаловавший татарскую знать, разжаловал их из царевичей в князья.

Мог кто-то из их потомков креститься и, опираясь на лояльных ногайцев, претендовать на московский трон? Ответ положительный, и в истории даже остались следы.

Как вели себя ногайцы во время Смуты? Правил ими смутный бий Иштерек с 1600 по 1619 годы, и правил вполне последовательно.

В 1605-м поддерживает Лжедмитрия I, атакует Царёв-Борисов и Владимирские вотчины.

В 1606-м поддерживает Василия Шуйского. Якобы — документов не сохранилось. Зато ополчения из Поволжья косяком пошли в помощь Петру-царевичу и Болотникову.

В 1607-м — 1608-м ногайцы разорили и сожгли многие «украинные и северские» города. Немногочисленные и слабые русские сторожевые заставы на границе не могли оказать действенного сопротивления огромной массе степной кон-

ницы. Кочевники жгли городки, сёла и посады, уничтожая и забирая в плен местных жителей.

В 1609 году участвуют в опустошительном крымском походе хана Селямет-Гирея, погубившем державу Дмитрия Угличского.

В 1610 году по призыву того же крымского хана (ой ли) Большая Ногайская Орда совершила нападение на Рязанскую четь. Во главе Ногайской Орды находился Ак-Мурза Байтереков.

Нападение ногайцев в 1611 году совпало с первой попыткой освобождения Москвы от польско-литовских интервентов. Ногайцы опустошили рязанскую землю (дворяне из ополчения побежали родную землю от ногайцев защищать, а не от притеснений Трубецкого/Заруцкого), Лихвинский, Алексинский, Тарусский, Серпуховский и другие южнорусские уезды. В пограничных районах степняки воевали всё лето. Рязанцы жаловались в столицу, что татары совершенно обезлюдили их землю, пашни остались незасеянными, а все люди «сидят в осаде».

В 1612-м всем было не до ногайских набегов, что не значит, что их не было.

1613-й: Набег под Пронск, Михайлов и Переяславль-Рязанский (ха, а Заруцкого точно московские рати разбили?). Рязанцы доносили в Москву о том, что татары стали часто нападать и дотла выжгли их дома, а другие татары вообще остаются на зимовку, подвергая рязанскую землю постоян-

ным грабежам. В том же 1613 году на русские владения напала Большая Ногайская Орда. Армия ногайцев перешла через Оку, завоевала коломенские, серпуховские и боровские места, доходя до окрестностей столицы. Другие татарские отряды разорили предместья и окрестности Пронска, Михайлова, Дедилова, Данкова, Переяславля-Рязанского и Курска.

В 1614 году 20-тысячная Ногайская Орда подступила к Москве и разорила столичные окрестности. Другие ногайские отряды опустошили Темниковский и Алатырский уезды (Верхнее Поволжье). Зимой татары повоевали многие города: Курск, Рыльск, Комаричи, Карачев и Брянск. В результате непрерывных набегов было уведено огромное количество русских пленников.

Весной 1615-го татарская война снова развернулась в полную силу: отдельные татарские отряды приходили на кромские и орловские места. Но это были лишь отряды самовольных крымских людей. Основную массу нападавших составили большие и малые ногайцы и азовские татары. Весной — летом 1615 года главные силы противника (до 25 тысяч человек) ворвались в южнорусские уезды. Татары и ногайцы проникли далеко вглубь территории русского государства, расположились под Серпуховом и оттуда разошлись по ряду уездов. Были разорены Коломенский, Серпуховский, Калужский и Боровский уезды. В июле того же года азовцы и ногайцы (до 3000 человек) совершили новый набег на южнорусские рубежи.

В 1616 году ногайский натиск слабеет (то-то задумались о свадьбе царя Миши). Ногайские татары пришли под Курск. Против них с отрядом курских войск, состоявшим из детей боярских и казаков, был послан голова казаков Иван Антипович Анненков — выборный дворянин первой степени, который, выступив из Курска, встретил татарские полчища в 15 вёрстах от города. Здесь произошло сражение, в котором ногайцы были разбиты наголову, много из них было забрано в плен. Был отбит весь полон. Потери и отбитый полон считаются на сотни человек, накал явно уже не тот.

Летом 1617-го ногайцы Малой Орды (кубанцы) и азовские татары трижды вторгались в южнорусские владения. Ногайские мурзы расположились лагерем под Серпуховом, откуда рассылали отдельные отряды грабить селения и захватывать пленников. Мурзы объясняли свои нападения неприсылкой московским правительством обещанных ранее поминок.

Ближе к концу своего правления бий Иштерек принесёт присягу Михаилу.

Что я только что описывал? По версии историков — малозначимые варварские набеги, которые России что слону дробина, на которые и внимания не стоит обращать. Я же уверенно вижу в этом последнюю великую войну Руси и Орды, в которой Орда проиграла.

Войну ещё и самоубийственную: Большая Ногайская Орда сгинет в 1630-х, добитая калмыками и казаками. В

Москве злорадно (даже не скрывая этого) ухмыльнутся. Любый нормальный бий потратил бы ресурсы на войну с казаками и калмыками, но Иштерек рассудил иначе. И проиграл. Почему так? Откуда столько ярости? Да и Иштерек ли решил? Должность бия высока, но хан чином повыше будет.

Давайте ещё несколько якобы не связанных фактов. Известны они по большей части из строк уникального документа, страшных и лаконичных одновременно: это манифест Дмитрия Ивановича Угличского Смоленску от 14 апреля 1608 года. Эти строки — о судьбе полутора десятков самозванцев, не попавших на первые страницы разделов учебников по Смуте.

Самый известный из них — Иван-Август. Настоящее имя неизвестно. Выдавал себя за никогда не существовавшего царевича Августа (или Ивана-Августа, официально называясь «царевич Август, князь Иван»), «сын» Ивана Грозного и Анны Колтовской. Появился в 1607 году в Астрахани, бывшей во времена Смуты рассадником бунтовских настроений. Считается, что лжецаревич бывал в Москве и имел какое-то представление о местных обычаях и жизни при дворе. Воевода Хворостинин признал его. Против бунтовщиков направлен был с войском воевода Фёдор Шереметев. Пытаясь взять Астрахань в плотную осаду, он приказал выстроить острог в 15 километрах от города, но в тылу у царского войска 24 мая 1607 года вспыхнуло восстание в Царицыне. Местный воевода был связан и выдан лжецаревичу, и его, по

донесению его сына, самозванец немедленно приказал казнить. Шереметев вынужден был отступить, но постарался отрезать Царицын и с ним всё Нижнее Поволжье, таким образом предотвратив дальнейшее распространение возмущения. Август вместе с войском выступил на помощь Царицыну. Сохранились отчёты двух кармелитских монахов, направлявшихся в Персию, которых лжецаревич принял в своём шатре и снабдил всем необходимым. В дальнейшем они остановились в Астрахани, у воеводы Хворостинина, и смогли покинуть город лишь с письменного разрешения самозванца. Лжецаревич пытался пробиться на помощь Болотникову, осаждённому в то время в Туле, но потерпел жестокое поражение под Саратовом от воеводы Сабурова. Это послужило переломным моментом в его карьере: по одним сведениям, недовольные казаки, связав своего предводителя, доставили его в тушинский лагерь; по другим — он добровольно пошёл на соединение с войсками Лжедмитрия II и даже на первых порах был гостеприимно встречен в Тушине. Однако вскоре Лжедмитрий II приказал повесить его на Московской дороге.

Лжецаревич Лаврентий — также упоминается в документах своего времени как Лавр или Лавёр. Настоящее имя неизвестно. Выдавал себя за внука Грозного, сына царевича Ивана Ивановича от Елены Шереметевой. Предводительствовал казачьими войсками во время похода к Туле. Вместе с Иваном-Августом был доставлен или прибыл по своей воле

в тушинский лагерь, вместе с ним был повешен на Московской дороге в апреле 1608 года.

Иван Осинович — этот самозванец, как и его предшественник, царевич Лаврентий, выдавал себя за внука Ивана Грозного, сына царевича Ивана Ивановича. Скорее всего, Осинович, подобно «астраханским царевичам», был предводителем отряда казаков, перед которыми и «проявился». Он действовал на Средней Волге, где летом 1608 года повстречался с другим самозванцем — Иваном-Августом, шедшим к Москве. Встреча оказалась для Осиновика роковой — его тут же повесили.

Ещё один называл себя царевичем Фёдором Фёдоровичем, сыном царя Фёдора Ивановича. О нём упоминает пан Станислав Куровский в своём письме пану Расковскому. Возглавлял отряд из 3000 казаков. Пришёл, видимо, с Дона. Согласно слухам, гулявшим среди волжского населения, в 1606 году жил среди донских казаков, считаясь младшим братом «царевича Петра», с боями прорывался к брянскому лагерю Лжедмитрия II, где появился в октябре или начале ноября 1607 года. Если верить Станиславу Куровскому: «Он сам со своими людьми находится под командованием царя нашего и служит ему как какой-нибудь сын боярский, однако находится у царя в великом почёте». Почёт — конечно же, вызванный стоявшей за самозванцем военной силой — продолжался недолго. По свидетельству «Нового летописца»: *«Той же Вор, кой назвался царевичем Дмитри-*

ем, того вора Федку, которова привезли казаки с Дону, подо Брянским убил до смерти».

Ну и наконец, лжецаревичи Мартын, Клементий, Семён, Савелий, Василий, Ерошка, Гаврилка — о них практически ничего не известно, кроме имён, перечисленных в грамоте Лжедмитрия II смолянам от 14 апреля 1608 года. Все выдавали себя за сыновей царя Фёдора Ивановича. Согласно указанной грамоте, все они появились в «польских юртах», то есть в Диком Поле — предположительно, летом 1607 года. Предположительно, каждый из них был атаманом большего или меньшего казачьего отряда, прибывшего в ставку Лжедмитрия II осенью 1607 года, где вслед за прочими самозванцами те нашли свою смерть.

Единственный выживший из поволжских самозванцев носил имя Гурий и считался внуком царя Ивана Грозного. О его судьбе практически ничего не известно. Ну или известно, просто имя у него в истории осталось другое. Самое забавное в этом описании — что летописцы не врут в именах (а порой и в отчествах), просто приходится цеплять поволжских царевичей к чужой им династии Даниловичей. Они действительно дети и внуки царя. Царя Симеона.

Куда могли деться дети Симеона после поражения в борьбе за московский трон в середине 1580-х? К родственникам на Волгу и Дон. Бий Больших Ногаев Иштерек и его отец Тинехмат — родственники Симеона Тверского. Тинехмат женат на его старшей сестре — Кученей (Марии) Черкасской,

той самой, для которой Иван Грозный — муж, а Симеон Бекбулатович — племянник. В 1581 — 1586 годах Тинехмат устроил нечто подобное набеговой войне 1610 — 1615 годов, защищая права Симеона. Тогда царь Фёдор победил, опутав Поволжье сетью крепостей и казачьих станиц. В Смуту пришлось тяжелее.

Ну а теперь история Лжедмитрия IV — ордынского царевича Гурия. Династия Симеоновичей прорывается к престолу в 1605 году. Отец, братья и племянники Дмитрия Симеоновича принимают активное участие в завоевании трона для него. Они громят Комарицкую волость, вяжут упорными боями верные Годуновым отряды в Астрахани и Поволжье. Этих армий сильно не хватит для обороны Москвы. После победы возвращаются на степные окраины, готовятся к боям с крымцами. С ними и Гурий: сначала участвует в походе армии Хворостинина на Астрахань, потом возглавляет небольшой отряд. Видимо, на 1605 — 1606 годы он ещё подросток, поэтому, когда дяди и братья уходят мстить за убийство дяди Дмитрия к Москве, остаётся в Астрахани.

Поход заканчивается трагедией для семьи: последний живой из сыновей Симеона, Фёдор, с детьми и верными отрядами соединяется с Дмитрием Угличским. Его сына, Петра, берут в плен в Туле и казнят. Отношения Дмитрия и Фёдора статусно аналогичны отношениям Ивана Грозного и Симеона Бекбулатовича за четверть века до того, но ладят они куда хуже: их родители — не друзья, а кровники. Дмитрий

Угличский казнит царевичей-соперников, мстя то ли за отца, то ли за свои обиды. Вся большая семья Фёдора Симеоновича и дети Ивана Симеоновича казнены. Ногайцы становятся врагами царевича. В 1609-м они наносят совместно с крымцами сокрушительный удар по его армиям.

Однако и сами ногайцы расколоты в симпатиях между царевичами — потомками Симеона и царевичами из рода Кучума. Дмитрий пытается привлечь последних к себе на службу (впоследствии то же самое с успехом проделает царь Михаил), но среди них на службу попадает Урак ибн Джан-Арслан, больше известный как Пётр Урусов. Он дальний родственник ордынской династии (и Кучумовичей тоже, поэтому и взяли на службу). Урак сводит счёты, мстя за убитого царя. Считается, что за Ураз-Мухаммеда, но список мог быть и шире.

В Астрахани, лояльной династии Симеоновичей, царём провозглашают Дмитрия-Гурия — последнего живого внука Симеона. Его армии бьют в тыл Первому ополчению, сторонникам Дмитрия Калужского и предателям-рязанцам. Со Вторым ополчением они не воюют до 1613-го.

После избрания царя Михаила Дмитрий-Гурий и Пётр Урусов последовательно воюют и с Заруцким, и с царём Михаилом. Второй повторяет ход Дмитрия Угличского — и перетягивает на свою сторону Кучумовичей, передав им касимовский престол. В тыл увлечшимся ногайцам бьют калмыки и казаки. В 1615 году ногайцы разбиты под Москвой, и от-

ступать уже некуда. Они повторяют путь малых (кубанских) ногойцев в 1570-х и просят защиты у крымского хана и султана. Им выделяют земли в Буджаке. Боевитые беженцы активно участвуют в турецко-польской войне 1620-х и турецко-крымских разборках 1630-х. Оба раза последовательно на стороне Турции.

В 1637 году их владыку, Кантемир-мурзу, вызвали в Стамбул и повесили. Его сын бежал в Польшу и принял православие под именем Константин. Его потомки, Кантемиры, оставили яркий след в истории Турции и России. Одна даже чуть не стала императрицей. Основанная ими Буджакская Орда просуществует почти 200 лет — до 1812 года. Править ей, правда, после Кантемира будут уже Гиреи.

Я практически уверен, что Лжедмитрий IV, он же Гурий, он же Дмитрий Иванович — младший внук единственного татарского царя в Москве Симеона Бекбулатовича. Он же легендарный для ногойцев Причерноморья Кантемир-мурза, после поражения в Поволжье ушедший в Турцию. Он же основатель православной династии Кантемиров.

А вы говорите — не оставил следа в истории.

Даниловичи.

Династия Калиты и Смута

Первая династия русских царей была не слишком длинной.

Первым царём (именно царём, а не великим князем, это другое) был Иван Грозный. Вторым — его сын Фёдор. На этом, по официальной версии, всё. Великокняжеская линия — сильно длиннее, но про неё — не в этой книге.

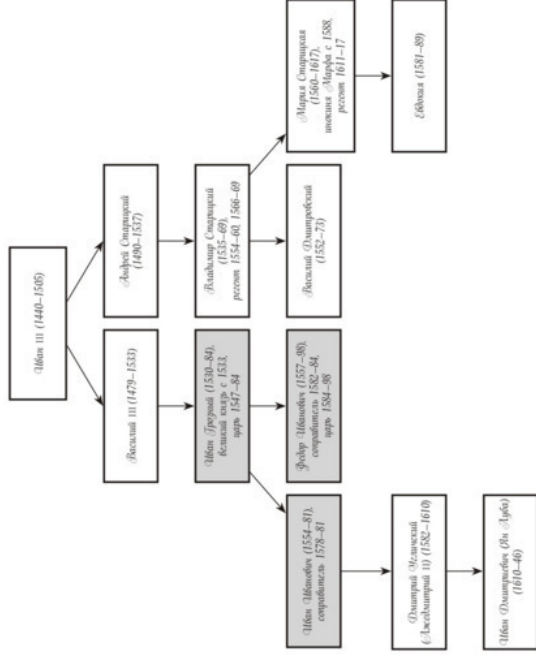
Потеряны в официальной версии трое: его сын/пасынок/внук Дмитрий Угличский (этого потеряли наполовину, добавив лукавую присказку «лже-»); регент России в самые тёмные времена Мария Старицкая (государыня инокиня Марфа), дочь регента из 1560-х Владимира Старицкого; и сын Дмитрия Иван Дмитриевич, он же Ян Луба, «ворёнок» — Вергунёнок.

Но даже не потерянных не щадили. Особенно обидно за царя Фёдора.

Не блаженный Фёдор

Помните царя Фёдора из учебников истории?

Слабый безвольный богомольный дурачок, которого презирает властный отец, за которого десятилетиями правит интриган Годунов. Подкаблучник, даже наследника зачать не способный. Молчаливо проглотивший убийство младшего незаконного брата. Плакса, чудака, блаженный дурачок.

Генеалогическое древо смутных Daniilovichей, упомянутых в главе

Этакий переходный безликий правитель между двумя генеральными злодеями: первый — Иван Грозный — Казань брал, Астрахань брал, Полоцк брал, Ливонию воевал; второй — Борис Годунов — строил крепости, укреплял государство, расширял границы в Диком Поле, Сибири и на Кавказе, патриаршество учреждал, убивал Дмитрия. А Фёдор — ну так, отсвечивал немного, пока не умер.

Это, наверное, самая обидная из чёрных легенд, прилепленных к Даниловичам. И Иван, который якобы сыноубийца, и Дмитрий, который якобы «лже-», при всех их талантах свои главные войны проиграли. Опричнина была запрещена, и даже слово забыто, ближние люди царя казнены, сам он доживал век по факту высокопоставленным пленником, живым символом, не более. Дмитрий, при всех его чудесах, сложил буйную голову, преданный и побеждённый в безымянном калужском лесу. Фёдор же жил достойно и шёл от победы к победе. За него максимально обидно.

Итак, минимальный факт-чек.

Фёдор стал царём уже взрослым человеком, 27 лет от роду, и правил почти полтора десятка лет. За эти годы он спокойно и без суеты скрутил в бараний рог великие боярские рода, обойдясь без массового дурного террора. Последовательно, при полной поддержке общественности были сначала разогнаны последние опричники Бельские, затем отстранены от фактической власти Мстиславские и сведён с твер-

ского престола альтернативный царь Симеон. Далее подверглись страшному разгрому Шуйские, которых не спасло даже заступничество митрополита. Вожди клана были сосланы и тихо казнены в ссылке, митрополит тоже слез с кафедры и не зажился. Причём в этом не было какой-то суровой кровожадности — просто наведение порядка твёрдой и практичной рукой. Мстиславские, Бельские и Шуйские, умерившие гордыню и направившие энергию в нужное русло, строили крепости, водили полки и судили в думе без взысканий.

История с Дмитрием Угличским запутана поздними инсинуациями, но в целом конфликт с младшим братом (или племянником) — не новость для Даниловичей. Василий III и Дмитрий Внук разыграли аналогичную трагедию веком ранее без каких-либо претензий к победителю от историков. Правительство Ивана Грозного начало правление с казни дяди Юрия, да и дядя Андрей не зажился. Вообще, любовь к братьям и племянникам закончилась у Даниловичей где-то во времена Дмитрия Донского и вернулась только к поздним Романовым-Ольденбургам (став одной из причин гибели империи). Слишком острым и болезненным напоминанием о братской любви была страшная «Шемякина война», едва не погубившая династию и не превратившая Московское княжество в часть Тверского.

Во внешней политике мы тоже видим если не сплошь удачи, то, по крайней мере, уверенное выползание из ямы, в которую загнал страну поздний Иван Грозный совместно с

Симеоном Бекбулатовичем и Мстиславскими. Страна была в кольце врагов: Польша, Швеция и Крымское ханство под чутким управлением Османской империи соображали молодое царство на троих. Полтора века собираемая артиллерия была бездарно потеряна под Венденом, Полоцк потерял ещё раньше, Поволжье полыхало бесконечным бунтом.

Правительство Фёдора системно решает основные задачи — и ко времени вступления на престол царя Бориса Сибирь исправно платит дань, Поволжье и север Дикого Поля покрыты системой крепостей, Польша вырвана из союза с османами и шведами, шведы и вовсе разбиты и вернули потерянное Иваном Грозным, крымцы, шедшие в 1591 году жечь Москву и менять царя, остановлены на Оке и даже огребли на обратной дороге. Что показательно, в отличие от предшественников, переживавших ордынские вторжения на далёком безопасном Севере, Фёдор остался в столице и руководил обороной.

При этом Фёдор стойко воздерживался от рискованных и затратных внешнеполитических авантюр, не став, например, воевать за польский престол или посылать большие контингенты на Кавказ. Это последний царь, при котором в Крымском ханстве было мощное прорусское лобби, подталкивавшее ханство к уходу из-под тяжёлой длани султана в родную гавань православную реинкарнацию Золотой Орды.

Церковь получила от него одновременно патриаршество и продолжение отцовского курса на сокращение церковного

землевладения. Царь, хоть и остался в летописях глубоко верующим человеком, вмешательств митрополита в свои мирские и даже матримониальные дела не терпел и не стеснялся смещать зарвавшихся пастырей.

Давайте краткий итог: талантливый дипломат и администратор, хороший организатор, лично смелый и великодушный, умный, терпеливый, расчётливый и волевой — это лучший наш царь всего XVI века. Ещё бы 10 — 15 лет такого правления — и мы бы не узнали нынешней России. Недаром почти через 20 лет после его смерти Второе ополчение печатало деньги с его профилем и называло последним законным царём. Бог не дал ему долгих лет, не дал наследника — это его трагедия, но она совершенно не обязательно вела к Смуте и развалу государства.

Вот реальная, необработанная оценка современника: *«Солнце померче и преста от течения своего, и луна не даст света своего, и звезды с небеси спадоша: за мнози грехи христианския преставися последнее светило, собратель и благодатель всяя Руския земли государь царь и великий князь Федор Иванович».*

Уничжительные характеристики ему дают шведские и английские источники: одни побеждены царём в прямом военном столкновении, вторые лишились грабительской торговой монополии — за такое редко хвалят. Почему мы им верим?

Главный автор чёрной легенды про царя Фёдора — Борис

Годунов, за неимением собственных заслуг приписавший себе все успехи своего великого шурина. Сам он справлялся, мягко говоря, не очень. Но его любили в монастырях, и эта ахинея попала в летописи.

Романовым тоже превозносить Фёдора было не за что. царь не привечал двоюродного брата Фёдора то ли за бестолковость и вздорный характер, то ли как потенциального претендента на престол до появления своего сына, то ли просто так.

Так и осталась жить чёрная легенда про блаженного царя, волею вещей давшего России почти 20 лет сытой и спокойной жизни между двумя страшными лихолетьями. Естественно, она попала в учебники из книг Карамзина.

Карамзин, я тебе не верю.

И умер он вполне молодым и очень странной смертью. Смертью, которая стала стартом Смуты по мнению большинства участников.

Посольство, из-за которого убили царя Фёдора

У меня как у автора есть незакрытые гештальты, не отпускающие от темы околосмутных времён. Один из них связан со смертью царя Фёдора. Сколько я ни убеждаю аудиторию, что это было убийство, а возможно, и переворот — та упорно верит в естественную смерть лучшего нашего царя XVI века. Даже в лучшего не очень верит, предпочитая побасёнки Карамзина реальным свидетельствам современников, а уж про смерть-то...

«Больной был, блаженный», — пишут раз за разом в комментариях про деятельного и эффективного правителя, который (если задуматься) умер совсем не старым. И (если верить вскрывшим его могилу советским учёным — я лично верю) совсем не по своей воле умершим.

И мне кажется, что я нашёл причину скепсиса аудитории. Дело в дате. Уж очень спокойным и беспроблемным кажется 1598 год на фоне будущих Смутных времён. Незачем в такие благодные времена элитариям так дёргаться и рисковать.

Шуйские или церковники травили бы Фёдора в разгар своего рокоша 1586 года. Он и правда тяжело болел в то страшное лето (может, и вправду травили?), но оклемался и раздал что Шуйским, что митрополиту отрицательной обратной связи. Кто в ссылку отправился, а кто и к Господу на

суд, пусть и не публично, кому просто жениться запретил.

Ордынцы травили бы его страшным летом 1591-го, когда горела Москва, восставал Углич, а к столице на рысях шли отборные отряды Газы-Гирея. Смерть царя в тот момент облегчила бы переворот, но в 1598 году она не дала бы им ничего. Ничего и не дала в реальной истории.

Значит, надо искать тех, кому эта смерть в 1598 году много чего дала, или тех, кого она много от чего уберегла. Причём второе даже вероятнее: вместо отравления мог ведь случиться и донос, и так рисковать можно было, только рискуя потерять многое, если не всё. Выиграли от того воцарения всего два клана: Годуновы и Романовы, ненадолго сплотившиеся у трона после смерти брата (двоюродного, Романова по матери) и шурина. И отчасти — Церковь.

Ему было всего-то 40 лет.

Отец в его возрасте только-только вновь привыкал к Москве после новгородской послеопричной командировки. Успел после пару раз жениться, с треском проиграть Баторию в борьбе за Литву и Ливонию, поиграть в дипломатические игры с императором, папой римским и их шестёркой Поссевино. Немало успел. По официальной версии, даже сына успел родить.

Его дед в 40 бежал без оглядки от грозных крымских и ногайских ратей Мехмед-Гирея, жалел о потерянной Казани и казнил не причастных, лишь бы прикрыть семейный позор, ибо вся страна и некоторые окрестности прекрасно знали,

что рубеж по Оке не удержали бездарные братики великого князя. Впереди у него были и скандальный развод с Соломонией Сабуровой, и долгожданные дети от новой молодой жены-иноземки, и ответные визиты вежливости под Казань и в степь. Немало.

Его прадед в 40 ещё только готовился к «Стоянию на Угре» и переваривал свежезахваченный Новгород. Умер бы Иван III в 40 — и никто не знал бы его как великого собирателя русских земель: и Тверь (1485), и литовские окраины он прибрал к рукам позже.

Да что там, даже Пётр в 40 ещё только отходил от прутского позора и готовил окончательное присоединение Прибалтики. Жив ещё был старший сын Алексей, балтийский флот был ещё скорее в проекте, как и сам Питер.

Если присмотреться — многие великие князья и цари женились второй раз около 40 и заводили в новых семьях детей. Да и императоры (за редким исключением) не отставали, разве что это редко было официально в чопорном XIX веке.

Вот и Фёдор, приближаясь к этому рубежу, не мог не задумываться о будущем династии. Не мог не вспоминать примеры отца, деда и прадеда. Если, конечно, он не был больным и блаженным. А он не был. Но никаких прямых указаний на планы развода и повторной свадьбы царя Фёдора не сохранились.

Или всё-таки сохранились?

И ещё одно: второй брак у всех перечисленных (кроме Петра, конечно) был относительно династическим и имел под собой внятные внешнеполитические цели. Грозный через Марию Черкасскую становился сродником ордынских царей и ногайских биев, его отец укреплял связи с южно-литовской шляхтой, его дед — с Ватиканом и Западом в целом.

С кем нужно было дружить вдумчивому дипломату Фёдорову?

90-е годы XVI века стали пиком его достижений как дипломата и стратега: Россия успешно продвигалась в Сибирь и на Кавказе, вернула утраченные по итогам Баториевой войны новгородские пригороды.

Пометки на полях

Специально для фанатов Годунова: Годунов уже откровенно лажал на этих фронтах, если не брать в расчёт медиа-успехи. Он провозгласил себя сибирским царём, но, кроме медийного успеха, получил и усиление сопротивления в Сибири. Фёдор предпочитал реальные успехи звонким заявлениям.

Годунов ссорился со степняками настолько, что те громили его же посольства «во славу Дмитрия» ещё до появления того на границе. А ещё пытался делить власть между верными России мурзами и их противниками: например, провозгласив ногайскими биями и лояльного Иштерека, и максимально

нелояльного Джан-Арслана.

Ах, как удивительно, что ногойцы пошли за вторым! Ах, ещё удивительнее, что громить русские засечные черты! Фёдор эти самые черты отстроил. А ногойцам давал не столько популярных, сколько лояльных себе и формально легитимных владык.

А чего стоит бестолковая пограничная война с Вишневецкими в степи? Когда ты и не страшный (ну сжжёт городок-другой, так и у него не меньше пожгли), и враждебный на ровном месте — так ли стоит удивляться, что Вишневецкие нашли пару тысяч казаков для армии первого из Дмитриев?

Но главная опасность (и Смута это подтвердила) для молодого царства грозила с запада, где Речь Посполитая пусть и не очень последовательно, но шла к созданию восточноевропейской империи. У неё были традиции (великая держава Ягеллонов из XV — начала XVI веков), институты (система сеймов, сложная система внутренней иерархии, где власть гетмана уравнивала власть короля, университеты как средство ополячивания детей чужой элиты) и внятная цель (окатоличить эту самую Восточную Европу).

За её спиной стояли ультракатолики, контролировавшие почти все богатства тогдашнего мира и готовые щедро инвестировать их в это богоугодное (на их вкус) начинание. Если вдуматься, ничуть не меньше, чем цесарцы или голландцы

впоследствии инвестировали в романовскую Россию.

Первый пробный удар в виде страшной Баториевой войны 1579 — 1582 годов едва не отправил Россию в нокаут. Реакцией на него стали каменные стены Пскова, Смоленска и Путивля, которые намекали на глухую оборону. Но она была и вынужденной, и нежелательной, ибо именно в эти десятилетия десятки иезуитских школ, основанных Баторием, перерабатывали русскую шляхту Речи Посполитой в неофитов, которые больше поляки, чем ребята из Варшавы и Кракова, и больше католики, чем папа римский. Восточная церковь проигрывала битву за души с разгромным счётом, и помощь Москвы (и периодически Стамбула) особо не спасала. В 1596 году случилась Брестская уния, которая (при минимально вдумчивом изучении) была практически неприкрытым объявлением войны православию. Пушечным мясом будущей войны должны были стать всё те же русские неофиты из Речи Посполитой.

Możemy powtórzyć! — раз за разом намекали литовские послы в Москве на Баториевы походы, и царь не мог не понимать, что да, эти могут, и с этим что-то надо делать. А ещё он не мог не понимать, что чуть не половина тогдашней московской элиты вполне себе жаждет им в этом подсобить: Шуйские, Мстиславские, Салтыковы, Голицыны — перечислять устанешь, не то что по ссылкам морозить.

России как воздух нужны были сильные союзники, и выбор был прост: цесарцы или османы. При некоторой фанта-

зии — даже «и», а не «или». И, как и всегда в случае торга с сильными, результат был не гарантирован. На переговорах с австрийцами в 1575 — 1576 годах уже погорел отец Фёдора, вместо союза, триумфа и раздела Речи Посполитой получивший унижительные ультиматумы и имперские контингенты у стен Полоцка и Пскова. Турки вообще стратегически были соперниками в степи и на Кавказе — поди договорись с таким бэкграундом.

И династический брак был доступной опцией только в переговорах с Габсбургами. Точнее, с более-менее веротерпимой их частью.

Пометки на полях

Именно активное турецкое вмешательство было забытым, но важным фактором сохранения власти Романовых. Уже с 1610 года турки открыли второй фронт на Украине силами крымцев и ногайцев, а на поход Владислава в 1618 году ответили большим походом султанской армии на Польшу в 1620-м. Предварив его в 1619-м очень прозрачным ультиматумом. Не меньше половины польских и литовских героев Русской смуты закончили свой жизненный путь в окрестностях Хотина в ходе той страшной турецко-польской зарубы, утопившей в крови империю Васа. Рядом сложили головы тысячи и тысячи янычар. Потери были таковы, что разъярённые военные после возвращения в

Стамбул свергли и зверски убили султана Османа, возглавлявшего тот неудачный поход. Первого из династии. Это не помешало России Филарета быть данником, верным другом и союзником султана Порты и императора Рума в 1620 — 1634 годах, как бы его ни звали.

Другого выбора и не было. В империи бушевал пожар Тридцатилетней войны, и побеждали ультракатолики, православных за партнёров (и людей) не признававшие. Только после их поражения России снова стало с кем говорить о союзе в Европе. От своих победивших протурецких клерикалов царство тоже к тому времени изрядно подустало.

За переговоры с имперцами традиционно отвечал именно Годунов. Хотя порой в них участвовали и Фёдор (будущий Филарет) Романов, и дьяки посольского приказа братья Щелкаловы. И именно старший из них был главным переговорщиком и доверенным лицом царя Фёдора. Именно он вёл многочасовые незапротоколированные переговоры с Варкочем. По-настоящему важные и секретные.

Отношения России и Австрии осложнялись разногласиями по вопросу принадлежности Ливонии. Император считал «землю Девы Марии» своим леном, переданным в управление шведскому королю и великому князю Литовскому, отказываясь признавать русские претензии на Нарву и Юрьев. Уступки в этом вопросе сильно облегчили бы России борьбу

со Швецией в войне 1590 — 1595 годов, но император на них не шёл.

Причиной задуматься о них стала изнурительная и опасная для империи так называемая долгая война с Турцией 1593 — 1606 годов. Империи нужны были деньги и союзники. России нужны были военные (или двойные) технологии и дипломатическая поддержка на мирных переговорах со Швецией и против Речи Посполитой. На трон которой всё ещё претендовал брат императора Максимилиан Габсбург.

Предмет для торга определён был, и в 1589 — 1594 годах Москву трижды посетил Николай Варкоч. Карамзин охарактеризовал эти посольства так: «Мы тратили время и деньги в сношениях с Австриею, совершенно бесполезных». Это нормальный такой взгляд на них стопроцентного полонофила. В реальности же посольства имели вполне понятные цели и перспективы.

В 1589 году империя пыталась заручиться поддержкой России в попытке силового водворения Максимилиана на престол. Она была получена, но не реализована, так как блестящий блицкриг коронного гетмана Замойского, завершившийся разгромом и пленом Максимилиана, сделал её бессмысленной.

*Фёдор Иванович
(1557—1598),
русский царь
в 1584—1598 годах,
соправитель
в 1582—1583 годах,
до этого удельный
князь Ярославский.
Лучший правитель
России XVI века*

*Элеонора Габсбург
(1582—1620),
его предполагаемая
невеста*

В 1593 году империя запросила и получила субсидии на войну с Турцией. Россия в это время достаточно активно воевала с Газы-Гиреем, и союз и деньги были понятной частью дипломатической игры. В 1594 году Варкоч отработал инвестиции, приняв активное участие в подписании Тявзинского мирного договора со Швецией, вернувшего царству новгородские пригороды. Косвенно оно же повлияло на успех русского посольства в Крым в 1594 году, заключившего вечный мир с ханом.

Через год в Прагу отправилось пышное московское посольство во главе с боярином Вельяминовым и дьяком Властьевым. В августе 1595 года их пышно встречало сначала в Праге правительство Чешского королевства, а 18 августа — лично император Рудольф. После приёма австрийцам была передана огромная по тем временам сумма, преимущественно в мехах. Сам посол Вельяминов в отчёте указал 400 000 рублей (почти половина годового дохода царства Фёдора и больше годового дохода времён Грозного). 20 комнат роскошных мехов, которые имперцы распродавали по всей Европе несколько лет.

Пометки на полях

За что так щедро платил не замеченный в мотовстве царь Фёдор? Данью это не было: послы яростно отстаивали принцип равенства чинов

правителей, и австрийцы с этим не спорили.

А за что платили сравнимые суммы цари и великие князья до и после него? Раза в два меньше обошлась Ивану III свадьба с Софьей Палеолог. Раза в полтора-два больше стоила Дмитрию-самозванцу свадьба с Мариной Мнишек.

Историки в похожем ключе сквозь зубы выдают бред про обручение 35-летнего Максимилиана Габсбурга с уже умершей царевной Феодосией (вы видели такую разницу в возрасте на помолвках?). Но Максимилиана на приёмы русских послов не звали, а значит, обсуждали не его. Его имя всплывёт в 1601-м касательно замужества Ксении Годуновой, но там как раз с возрастом невесты всё относительно нормально. К более ранним переговорам его имя подтянут абсолютно непромерно.

#

По возвращении из посольства послов щедро наградили. Власьев и вовсе взлетел на самый верх дипломатической иерархии царства. Не за впустую же растраченные богатства.

В 1597 году в Москву прибывает очень представительное имперское посольство во главе с Авраамом фон Доной. Это самое крупное и представительное посольство в истории русско-имперских отношений в принципе, но информации о нём почти нет. 112 человек во главе с наместником Силезии и огромными дарами (вообще небывалый случай в истории

империи) прибыли северным кружным путём через Псков (видимо, понимая, что цель переговоров очень не понравится полякам). Рядом с главой посольства активничал Лукас Паули (его принято считать посланником Максимилиана).

Месяц шли предварительные переговоры Паули со Щелкаловым, а 22 мая состоялся торжественный приём фон Доны царём Фёдором, а чуть позже — Борисом Годуновым. В протокольную часть попали просьбы о субсидиях и атаке на Крым.

Параллельно в Москве находится миссия Александра Кошулея — личного посланника папы Климента VIII. Приём был холодным на фоне Брестской унии 1596 года, но он был. Обсуждали всё тех же турок и татар. Якобы.

Что такого мог пообещать папа, чтобы его стал слушать русский царь? И да, книга о переговорах с ним тоже не сохранилась, обрывается на информации о въезде легата в Москву.

10 августа все эти представительные делегации отправились в Рим и Прагу.

Историю этих посольств вы не найдёте в источниках типа «Википедии». Только редкие специализированные диссертации, где с упоением обсуждают наряды и дары, а также гениальность Годунова, которой не было. Но посольства были и едва не изменили нашу историю.

А ещё в это время Рудольф Габсбург искал мужей для трёх

своих сестёр: Элеоноры (1582 — 1620), Григории Максимилианы (1581 — 1597) и Маргариты (1584 — 1611). Две последние стали соответственно невестой и женой испанского Филиппа III, а вот Элеонора так и не вышла замуж. В 1596 году на её руку претендовали аж трое: Рануччо I — герцог Пармы и Пьяченцы, Франсуа — принц из Лотарингского дома и Франческо Мария II — герцог Урбино. Всем им было вежливо отказано.

Для кого её готовили? Почему к ней перестали свататься после 1597-го?

Спустя несколько лет она с сестрой Марией Кристиной, пережившей неконсумированный брак с трансильванским князем из рода Батори, ушла в монастырь. Сестра со временем даже стала его настоятельницей.

В конце 1597-го тяжело заболел и в начале 1598-го умер совсем ещё не старый царь Фёдор. Дьяк Щелкалов пережил его на считанные месяцы. В московских летописных сводах кто-то тщательно зачистил большую часть переговоров царя с фон Доной и Комулеем.

В 1601-м к Ксении Годуновой сватался Максимилиан Габсбург. Даже корону прислал. Правда, потом сам отказался от этой идеи.

Этот пазл правда можно как-то собрать иначе, кроме как убийством царя Фёдора, предотвратившим его развод с неплодной Ириной Годуновой и династический брак с Габсбургами? Итогом которого могли стать дети с правом вла-

сти не только на Россию, но и на половину Европы, включая Ливонию (Прибалтику — «землю Девы Марии»). И технологии, военные и не только.

Или хотя бы просто его законные, родные дети, исключавшие из ряда наследников Бориса Годунова с семьёй и Романовых с их тщательно припрятанным до поры до времени (до 1600-го) Дмитрием.

А ещё этот брак мог очень не понравиться высшим сановникам Церкви: как из религиозных соображений (вряд ли дочь императора приняла бы православие, даже Пётр такого от будущих родственников не требовал век спустя, наставляя лишь на православном крещении детей, претендовавших на русский трон), так и из политических (немалая часть церковников была настроена протурецки — именно турки только что пролоббировали патриаршество).

Давайте закроем мой личный гештальт и повторим голо-сование.

Всё так же в духе Ксаверия Феофилактовича Грушина: «Либо асть, либо ысть, либо есть, либо ость» — то есть в убийстве должна присутствовать страсть, корысть, месть или опасность.

Была ли это царица Ирина, страстно любившая мужа и готовая скорее отравить его, чем развестись? «Я тебе не тётка Соломония!»

Был ли это патриарх Иов, пошедший на переворот в по-

нятной корысти сохранить и приумножить власть Церкви в России? Случилась же в 1599 году в России «Патриаршина», по факту — Опричнина наоборот. Богово ведь всегда выше, чем царёво.

А может, будущий царь Борис, прекрасно понимавший опасность этого брака для будущего — своего и своих детей? Презлым ответивший на предобрейшее?

Или во всём виноваты проклятые Романовы, так отмстившие за опалу своего сродника Дмитрия? Где же тогда хотя бы попытка переворота в его пользу?

Или не убедил? И царь Фёдор просто простыл и умер, что с царями тоже случается?

Хотя про Александра и Таганрог тоже всякое пишут.

Последний Данилович. Дмитрий-сын или Дмитрий Внук?

Как вы, наверное, знаете, тот, кого наши учебники истории называют Лжедмитрием, подписывался Дмитрием Ивановичем. В честь угличского царевича Дмитрия Ивановича — третьего сына царя Ивана Грозного от шестой жены Марии Нагой. Не очень законного, не очень здорового головой мальчишки, убитого в Угличе тревожным летом 1591 года агентами Годунова. Отправленного в ссылку в Углич после воцарения старшего брата Фёдора, наследником которого считался. Отправленного в ссылку, так как часть бояр считала, что мальчишка имеет право царствовать большее, чем старший брат. Средневековые неадекваты.

Самая популярная версия окончания жизненного пути героя статьи. Из открытых источников.

После его смерти в Угличе случился мятеж. Проводить следствие приехала комиссия во главе с будущим царём Василием Шуйским, который и в то время в топ-5 московского боярства. Комиссия разнесла город, сняла вечевой колокол, выселила часть населения в Сибирь, раскидала по ссылкам провинившихся родственников царицы Марии.

Во времена Смуты царица Мария охотно проводит время с первым Лжедмитрием, но не со вторым. Её родственники — в числе апологетов царя Василия Шуйского, ездят по го-

родам и весям с концертными программами: «Да, царевич умер, правда умер, да здравствует законный царь Василий Иванович!»

Царевич Дмитрий (Лжедмитрий II) открыто называет Филарета Романова не только патриархом, но и братом. Сам Филарет в ссылке при подходе войск Дмитрия к Москве закатывает скандалы своим тюремщикам в духе: «Дайте время — увидите, кем я стану».

Что ещё? Министр обороны Лжедмитрия II и будущий претендент на трон — князь Дмитрий Трубецкой — сын Тимофея Трубецкого, конюшего царевича Ивана Ивановича, старшего сына Грозного.

Всё это как-то странно. Просто вопросы:

- Какие права на престол могут быть у а) маленького ребёнка, б) сына от незаконного шестого брака?
- Почему Нагие не служат «своему» царевичу, довольствуясь скромными чинами у Шуйского?
- Какое родство может связывать Фёдора Никитича Романова и Дмитрия Ивановича Угличского?
- Почему Лжедмитрию последовательно служат Трубецкой и Салтыков — что показательно, не родственники, мигром перессорившиеся после его смерти?
- Почему Сигизмунд Васа даёт небольшой отряд первому самозванцу и огромную армию — второму?
- Почему самозванца последовательно поддерживают Углич и Калуга, но не Москва?

- Почему большинство сторонников Лжедмитрия II происходит из родов, близких ко двору царевича Ивана Ивановича?

На эти вопросы не то чтобы сложные ответы, просто Карамзин был слишком предвзят, Соловьёв — осторожен, а Ключевский просто ненавидел клятых москалей и писал свою историю, чтобы их безнаказанно хаять. А советским была важна линия партии, а не критический анализ и историческая достоверность.

Перед ответами — небольшой исторический экскурс.

В начале 1580-х в стране было два человека из правящей семьи с именем Иван: это Иван Васильевич Грозный 1530 года рождения (по тем временам — глубокий старик) и его сын Иван Иванович 1554 года рождения (очень взрослый человек со своим двором и боярами). Отец с сыном ладят не особо. В летописях остались записи, что Иван-старший даже угрожает лишить сына наследства, передав трон датскому королевичу Магнусу. Бояре сына недовольны передачей царской власти Симеону Бекбулатовичу. Иван Грозный явно интересуется идеями протестантизма, Иван Иванович подчёркнуто консервативен в религиозных делах. Ну и самое одиозное — царевич два с половиной раза не по своей воле разводится «из-за бездетности». Последняя жена — Елена Шереметева — на сносях в момент смерти царевича.

Что ещё? Двоюродный брат Фёдора Романова. Его конюший — Тимофей Трубецкой — отец героя Смуты. Глеб Сал-

тыков — отец антигероя Смуты, был в свите царевича, замучен опричниками. Три его жены: первая — из родов Сабуровых (старое московское боярство высочайшего разлива, родственники Годуновых и Вельяминовых), оппозиционных Грозному хотя бы по праву крови (Глинские не просто поженили Василия Ивановича на своей, но и оттёрли Сабуровых от хлебных мест при дворе); вторая — из рода Соловых, родственница старшей ветви Шуйских, тех самых, что брали Казань, Полоцк и защищали Псков от Батория, именно против них была устроена Опричнина; третья — из рода Шереметевых — опять же, страшная оппозиция отцу, Ивану Васильевичу.

Умер или погиб царевич в Александровой слободе.

Ну а теперь ответы (хотя вы уже и сами догадались).

Дмитрий Иванович Угличский — сын Ивана Ивановича Молодого и Елены Шереметевой. Родился в 1581 году — видимо, уже после убийства отца. В междуцарствие 1584 года сторонники его убитого отца, в основном земцы, пытаются посадить его на престол в обход младшего сына Ивана Грозного — будущего царя Фёдора, за которого в основном опричники. Трагедия Василия Ивановича и Дмитрия Ивановича Внука полувековой давности повторяется. Молодого царевича отправляют в Углич под домашний арест опричников Нагих. Из них ему назначают будущую жену Марию.

Так же поступили в своё время с младшим братом царя Ивана Грозного — Юрием, который был сослан в Углич под

присмотр верных Палецких и жил там, пока у старшего брата не подросли дети. Потом умер. Вместе с сыном. Посмертно Юрия ославили умственно больным. Василий Юрьевич (царевич, его сын), кстати, тоже неосторожно поиграл с ножиком.

Люди, которые могли бы поддержать юного царевича, умирали один за другим: сначала Никита Романов, тогдашний глава думы, заболел и умер, уступив первое место в думе врагам царевича — Мстиславским и Годуновым; затем старшая ветвь Шуйских отправлена в ссылку и вероломно в ней убита; снят с должности и умер митрополит.

Если бы у царя Фёдора были дети, Дмитрий вряд ли прожил бы так долго. Но с этим Фёдору не везло, и Дмитрий Иванович рос в Угличе до десяти лет, пока в 1591 году не случился правительственный кризис. Война со шведами и поход на Москву крымского хана Газы-Гирея создали фон, на котором случился странный инцидент в Угличе, за который прилетело недосмотревшим Нагим. И который приехал разруливать Василий Шуйский. Видимо, ребёнка выкрали сторонники отца и терпеливо ждали своего шанса. Шуйский представил царевича мёртвым, пойдя по привычной кальке истории Василия Юрьевича.

Царевич на 15 лет исчез из поля зрения властей. Его не вспоминали при воцарении Годунова, или данных об этом не осталось. Оппозицией тогда были свергнутый Фёдором царь Симеон Бекбулатович и его дети. Одного из них, кстати, то-

же звали Дмитрий. В 1598 году победил Годунов, но в 1605-м Мстиславский и Симеоновичи взяли реванш. Победителя сверг Василий Шуйский.

Где в это время был царевич? Сначала — в монастыре (и правда расстрига), потом раскрыт и вынужден бежать в Литву. Его бегство совпадает с опалой Романовых — не сложно предположить, что Филарет или Александр продолжили дело отца.

Воцарение Шуйского нелегитимно, но он поддержан Церковью. Законный царевич с небольшим отрядом сторонников идёт из Польши в объятую гражданской войной Россию. Казнит конкурентов на трон — царевичей из рода Симеона. Но договориться с Шуйскими полюбовно не получается, хотя права на престол царевича признаёт даже брат царя Василия — Дмитрий Иванович Шуйский.

Сторонники царевича реализуют заговор против Шуйского. Большая часть армии уведена в Поволжье братом последней жены Ивана Ивановича — воеводой Шереметевым. И не вернулась оттуда вплоть до предательства тушинского лагеря. У царевича появились деньги на наёмную армию, с которой он почти взял Москву. Сторонники организовывают в Тушине параллельное правительство. Но Шуйский был опытнее и влиятельнее: Новгород, Смоленск и Нижний так и не признали царя Дмитрия. Первый ещё и оплатил шведских наёмников в противовес польским. Борьба продолжалась долгих четыре года, но увы: законный царевич Дмит-

рий Иванович, сын Ивана Ивановича Молодого, предпоследний Данилович, претендовавший на московский трон, убит наёмным убийцей в Калуге, своём личном уделе. Могло ли быть иначе? Вполне: Генрих Тюдор — самый известный пример такого рода.

Его сторонники пошли разными путями: Салтыковы перешли в услужение бывшему союзнику — Сигизмунду Васе; Трубецкой претендовал на престол как конюший последнего законного царевича (Годунов до воцарения был конюшим царя Фёдора, а Симеон Бекбулатович — конюшим Ивана Грозного); Филарет Романов, вернувшись из плена, увидел сына, посаженного на трон в качестве родственника царя Фёдора Ивановича, взял власть в свои руки и не отпускал почти 15 лет; боярин Шереметев был членом Семибоярщины, главой выборной команды царя Михаила, членом Боярской думы при Филарете и Михаиле, пережил обоих, посадил на трон Алексея, окончательно утвердив новую династию. Могучий старик.

Такая вот история.

А поруганный и оболганный царевич остался с нами святым с весьма усечённой версией биографии. И нет защитников ему среди живых.

История его бегства в Литву, кстати, вполне себе сохранилась.

История одного паломничества.

Как Дмитрий бежал в Литву

Все мы знаем, что Дмитрии пришли из Литвы. Губить святую крестьянскую (так в источниках, не ругайтесь) веру, грабить церкви, отдавать неверным города на разграбление. Быть пугалами наших историков на протяжении бог знает скольких веков. Но как-то же они туда попали. Да, говорят, что первый там и родился (не верьте, обманывают), но про второго есть потрясающая смутная история.

Принято считать, что за кризисом 1600 года стояли Романовы. Так оно и было. Но вот дальнейшая (литовская) история Дмитрия — дело уже не их рук. Откуда мы её знаем? Да уж знаем, был один человек — принято считать, что очень православный — изложил всё в подробностях.

Звали этого примечательного и реального исторического персонажа Варлаам Яцкой, по версии источников — человек-камень, образец иноческого послушания, православно-го ригоризма. Это человек с неуспокоенной душой по отношению к нарушениям церковных обетов. Именно из его сказки (тогда сказками называли любые показания, не обязательно про драконов и принцесс) мы и знаем о самом начале истории Лжедмитрия I, об обстоятельствах ухода самозванца в Литву и о первых месяцах его пребывания там.

Началось всё очень просто: шёл Варлаам по московской

улице, думал думу о святом, и тут подошёл к нему бойкий чернец и позвал в паломничество по святым местам. Варлаам, который за всё хорошее и против всего плохого, сразу согласился. Назвался бойкий чернец 20 (может, с небольшим) лет дьяконом Чудова монастыря Григорием сыном Отрепьевым. Всего отправились в путь трое выходцев из Московского государства: сам Варлаам, бывший старшим по возрасту и по монашескому стажу, Григорий Отрепьев и Мисаил Повадин.

Пометки на полях

Двое из них (исключение — Отрепьев) долгое время служили при дворе Ивана Ивановича Шуйского — младшего брата будущего царя. Иван Иванович, прозванный Пуговкой, стал боярином до воцарения брата, в его правление руководил Стрелецким приказом. Воеводой был посредственным, чаще проигрывал «ворам» и полякам. Третье лицо в очереди на престол при царе Василии. После свержения брата вывезен в Польшу Жолкевским, присягнул в 1611 году Сигизмунду Васе публично (вместе со старшими братьями). В 1619 году вернулся в Москву, получил в управление Судебный приказ. Был при Михаиле вторым боярином думы по родovitости. Умер бездетным, на нём закончился род Шуйских.

Конечной целью предполагаемого паломничества был объявлен Иерусалим, но всё закончилось в землях Речи

Посполитой, где бывший инок Григорий превратился в царевича Дмитрия. Если бы этого не произошло и московские монахи, совершив паломничество, благополучно вернулись обратно, о них никто и никогда бы не вспомнил. Однако волею случая они сделались участниками исторических событий, поэтому всё, что случилось с ними с момента знакомства с Григорием Отрепьевым, стало предметом пристального разбирательства.

Из «Извета» Варлаама немного известно о жизни Отрепьева в Новгороде-Северском. Строитель тамошнего Спасского монастыря Захарий Лихарёв был рад новым монахам и поставил их петь «на крыл осе». Григорий со спутниками пробыл здесь весь Великий пост. Как писал Варлаам Яцкой: «Тот диякон Гришка на Благовещениев день (25 марта) с попами служил обедню и за Пречистою ходил». Сразу после Пасхи, приходившейся в 1602 году на 4 апреля, московские монахи засобирались в дорогу. Они нашли «вожа (проводника) по имени Ивашка Семенова, отставленного старца». Как опять точно сообщал Варлаам Яцкой, «на третьей неделе после Велика дни, в понедельник», то есть 19 апреля, все четверо двинулись сначала на Стародуб, а затем через Стародубский уезд прошли в «Литовскую землю»: на Лоев, Любец и Киев.

Чернец Григорий, успевший быстро стать келейником архимандрита Спасского монастыря, напоследок своеобразно отблагодарил своего благодетеля. В келье архимандрита он

оставил письмо с записью: «Аз есмь царевич Дмитрей, сын царя Ивана; а как буду на престоле на Москве отца своего, и я тебя пожалую за то, что ты меня покоил у себя в обители». Найдя эту «памятцу», спасский архимандрит будто бы посокрушался, но решил всё же умолчать о случившемся.

Григорий Отрепьев перед своим уходом говорил, что собирается в Путивль: «Есть де мне в Путивле в монастыре свои», и ничего не подозревавший архимандрит выдал монахам лошадей и провожатого. Однако чернецы «отбиша» провожатого от себя, когда стояли на развилке дорог в Путивль и Киев. Этот-то провожатый и рассказал обо всём, вернувшись в Новгород-Северский. Поэтому в монастыре должны были понимать, что невольны стали соучастниками побега.

Пометки на полях

Он и на родине ничего особо не скрывал.

В Новгороде-Северском всем заправляет клан Трубецких. Они не сдадут город первому Лжедмитрию, но будут служить второму. Потом частично перейдут к Владиславу, но уже после смерти царевича. Частично останутся в Подмоскowie. Один даже будет претендовать на трон — по крайней мере, во времена казачьей вольницы конца 1612-го в Москве. Его отец — Тимофей Трубецкой — последний конюший царевича (или царя?) Ивана Ивановича. Видимо, в этом городе царевич и правда мог не опасаться за свою жизнь и

свободу.

Стародуб — вотчина Воротынских, тоже исторически на стороне Ивана-сына и против Ивана Грозного. По мамам (боярышням Захарьиным) они родственники. В Стародубе появится второй Лжедмитрий, первый будет обходить его стороной. А вот с Путивлем у Лжедмитриев отношения обратные: для первого — это оплот и обитель, где он находит поддержку даже в самые чёрные дни после разгрома у Добрыничей, оттуда же его родственник Пётр пойдёт мстить за дядю; второй его не посетит и будет игнорировать путивльских бояр (единственное исключение — Шаховской).

Похожая, кстати, история с Тулой и Калугой: первый и его последователи — казаки идут через Тулу в Москву и обратно; дворянская же в основном армия второго после поражений раз за разом отступает в Калугу. Иногда они объединяются, чтобы набить чью-то наглую третью морду (Шуйскому или Владиславу), но нечасто и неохотно.

Три недели в конце апреля — начале мая 1602 года Григорий Отрепьев прожил в Киево-Печерском монастыре. В эти дни он свободно ходил по Киеву, заходил в иконные лавки и встречался с разными людьми. Почти три года спустя в окружной грамоте патриарха Иова, рассылавшейся в разные города, приводились свидетельства Венедикта — постриже-

ника Троице-Сергиева монастыря, а также посадского человека из Ярославля Степанки Иконника. На Освящённом соборе их расспрашивали о том, что они знали о пребывании Отрепьева в Киеве. По расспросным речам монаха Венедикта, он «видел того вора Гришку в Киеве в Печерском и в Никольском монастыре в черныцах, да и у князя Василья Острожского был и дияконил». Ярославский иконник, ездивший в Киев «променивати образов», рассказывал о том же: «Того ростригу Гришку видел он в Киеве в черныцах, и был де он у князя Василья Острожского и в Печерском и в Николском монастыре во дяконех, и к лавке его приходил в чернеческом платье с запорожскими черкасы».

В Киеве пути троицы разошлись. Григорий исчез. Варлаам ринулся его искать и обличать, за что попал под арест уже в Самборе, где началась история Лжедмитрия I. Отпустили его из-под ареста уже зимой 1605-го, на фоне итогов сейма (на нём канцлер Польши Замойский, канцлер Литвы Сапега и вышеупомянутый владыка Киева Константин (Василий) Острожский квантизовали магната Мнишека с его идеей набега на Москву, попутно указав на место королю Сигизмунду, попытавшемуся того поддержать). Отпустила Варлаама Марина Мнишек с матерью: то ли проявила излишнее милосердие, то ли попросили хорошие люди. Польские источники говорят о первом, жизненный опыт — о втором. Кому верить?

Пометки на полях

Киевом правит последний апологет православия Речи Посполитой — Константин Острожский (его дети перейдут в католицизм). Он дальний родственник московской династии (прабабушка — дочь Василия I и Софьи Витовтовны, её братья претендовали на Новгород во времена Ивана III) и Мстиславских. Его отец несколько лет был в плену (или на службе — поди пойми) в Москве, но бежал и разнёс московскую армию под Оршей. По легенде, дал Григорию подорожную в виде книги Василия Великого, отпечатанной в его типографии (первые русские Библии печатали именно там, не в Москве) с подписью «Григорию — царевичу московскому». Считается, что оттуда Дмитрий бежал в Самбор (туда за ним побежал неутомонный Варлаам), но это неточно. Лучшего защитника, чем князь Константин, молодому князю было не найти. Сын, Иван (Януш), конфликтовавший с отцом на религиозные темы, именно так и считал (и писал об этом Сигизмунду — король игнорировал донос).

Скажите, а при чём тут Шуйские?

Крутицкий митрополит Геласий умер, и главным ответчиком по делу якобы убитого в 1591 году царевича Дмитрия будет Шуйский. Годунов и правда не в курсе, что там произошло. Он в это время организовывает поход на Швецию, тушит пожары, воюет с крымцами. Кто знает, как он отреагирует на истинного царевича (и дальнего родственника)?

Да как бы ни отреагировал, Шуйский окажется клятвопреступником и потеряет лицо. А так — с глаз долой, из сердца вон. Трубецкие и Воротынский в опале, вывезти царевича на юг они не могут. А Шуйский — думный боярин, в топ-3 тогдашних местнических понятий (правда, на спаде). Он может не просто многое, почти всё. Тем более в Подмосковье небезопасно: голод, бунты, скоро столицу придёт кошмарить армия Хлопка Косолапа.

Их люди довозят царевича до верных Гедиминовичей из опасной Москвы и при поддержке Трубецкого и Воротынского передают на руки Константину Острожскому. Князь Константин передаёт ценного пленника кому-то выше рангом, и лишь через несколько лет (зимой 1606 — 1607 годов) царевич всплывёт в Витебске и поедет обратно в Стародуб. Кому передали — тоже предположить несложно: Лев Сапега, по сути, единственный, кто сможет разыграть такую карту. Король Сигизмунд хочет вернуть шведский престол, польский гетман Замойский ходит в сверхудачные походы на юг, завоёвывает Молдавию, кошмарит турок и татар. Московские авантюры для них — непрофильная трата дефицитных ресурсов. Увлёкшийся Москвой Сигизмунд вот даже Ливонии потеряет, не говоря о шведской короне. Литовскому же канцлеру присоединение Московии к республике жизненно необходимо. Без этого Литва в конструкции Речи Посполитой — младший уязвимый партнёр без шансов на реальную власть и влияние. С Московией же в составе Литва станови-

лась центром республики, а её элита — связующим звеном для России и Польши и основой государства. Понятно, кто бы им реально правил. Придумал это не Сапега, об этом говорил ещё Стефан Баторий — лучший польский король (из не говоривших по-польски). Его резиденцией, кстати, был Гродно, не Краков. Сапега потом ради этой же схемы тащил Фёдора Ивановича на польский трон, а Владислава Васу — на московский.

Зачем тогда люди Шуйского (и спутники царевича) устраивают безобразный дипломатический скандал с обращениями к польскому королю и московскому патриарху? Мутная история, но не сложная. На фоне умирающего Годунова Шуйские сдают врагу легитимного претендента на московский трон. А потом, когда царь оклемался и вместе с патриархом организовал нешуточное расследование, переводят стрелки на родню царевича и самого Григория, замечая следы и обеляя себя. Шуйских в начале 1600-х давили, конечно, жиге Романовых, но будущему царю и братьям должно было быть банально страшно.

Как это часто бывает, пользуется историей третий радующийся: Фёдор Мстиславский и царь Симеон быстро подхватывают чужую игру. У них есть свой Дмитрий у своих родственников — Вишневецких. Как и когда он туда попал? Я не знаю. Может, после расправы над кланом в 1585 году (организованной как раз Никитой Романовым и Шуйскими). Или в очень динамичный 1591-й, когда клан рвался вернуть

потерянное (тем более что Шуйские сгинули в 1586 — 1588 годах), но не смог. Или в 1598-м, когда Кушалино перестало быть резиденцией и стало тюрьмой.

Пометки на полях

Вишневецкие-Тарло-Мнишеки-Стадницкие — большой и амбициозный клан. Вроде и близкий королю Сигизмунду, а вроде и совсем наоборот. Именно они сменяют Васа на троне в 1669-м, и у Польши после своей страшной смуты появится свой юный царь — король Михаил. А уж пытаться будут сильно чаще: к примеру, именно они будут движущей силой бардака, который историки назовут рокошем Николая Зебжидовского, в 1606-м.

Их родственнику Юрию Мнишеку (четвёртому человеку в Польше по родовитости, по версии тогдашней Московской думы) удаётся занять денег у короля и Церкви и посадить на престол России своего царя. Очень помог родственник Мстиславский. Шуйский вроде мешал, но даже не казнили, сделали распорядителем на свадьбе.

А для молодого царя пришло время платить по долгам королю и Католической церкви. Вместо этого азартный московский император дал денег на Сандомирский рокош. Дал родственникам. При хорошем раскладе в Польше вместо «революции чернильниц» мог случиться переворот, который обнулил бы все обязательства Дмитрия. Вот и получается, что, перебив шляхту на свадьбе Дмитрия и пленив Мни-

шеков, Шуйский спас своего будущего мучителя Сигизмунда. А ещё постригали Шуйского монахи из того же Чудова монастыря, из которого он когда-то вывез царевича. Жизнь — потрясающая штука, и юмор у неё презанимательный.

Сказка Варлаама, кстати, появилась очень вовремя: читали её ополченцам Пашкова и Ляпунова холодным декабрём 1606-го в ближайшем Подмосковье. Может, кто и проникся.

Не только же за золото они переметнулись.

Упущенные шансы царевича Дмитрия

В продолжение темы про роль личности в истории.

Историки зачастую задаются одним и тем же вопросом про смутных царей: а был ли шанс усидеть на троне у династии Годуновых? Ну, скажем, поживи Борис чуть дольше? А смог бы царь-расстрига вернуть трон, не поломай он ногу после неудачного прыжка из окна? Или если бы встретил более смелых и мотивированных стрельцов? А как бы сложилось всё для династии Шуйских, не отрави сумасбродный царский брат спасителя Москвы Михаила Скопина?

Вопросы и правда занятные, хотя ответы на них не то чтобы сложны. Годуновы сдались задолго до падения династии, тратя деньги на подготовку эмиграции, а время — на распросы бывших цариц. Как сдавшийся может одолеть? Годом раньше, годом позже — просто их прибили бы вместе с Борисом, и не пришлось бы святотатствовать — вытаскивать гроб из Архангельского собора. Ибо англичанам тоже лузеры не нужны. Разве что их деньги. Не верите — вспомните судьбу последнего императора.

Пометки на полях

Последний император в этом плане вёл себя удивительно похоже на царя Бориса: за последнее

десятилетие своего правления Николай II открыл десятки зарубежных счетов на членов своей семьи и лично принимал капитанов судов, готовивших его эвакуацию. Зато на министров времени не всегда хватало.

Как будто это когда-то кого-то спасло.

Это не то чтобы сильно закрытые материалы истории, при минимальном желании гуглятся из вполне себе открытых источников, если прорвётся сквозь гневные опровержения хрустобулочников. В этом плане трагедия в Ипатьевском доме не лишена своей злоецей, но всё же справедливости.

И очень похожа на трагедию Годуновых, от которых даже толком костей не смогли собрать.

Бедовый царевич Дмитрий-самозванец, он же Дмитрий Симеонович, до того как сломал ногу, уже не раз и не два сыграл с судьбой в весёлую рулетку:

- назвавшись Дмитрием Угличским и скинув эту маску;
- лично водя в атаки казаков и драпая от картечи вместе с ними;
- одинаково запальчиво голося перед наёмниками и митрополитами;
- то льстя полякам и литовцам, то грозя им войной;
- то отправляя на казнь первых бояр думы, то возвращая

их в достоинство первых бояр;

- то грабя монастыри и продвигая униатство, то добиваясь их поддержки и вводя их представителей в сенат, толком так и не организованный.

Да он банально баб перепортил за недолгое своё царствование (а если верить злым языкам — и не только баб) столько, сколько его дальнему родственнику Грозному хватило на все 30 с небольшим лет на троне.

Власть не терпит суеты и дёрганий. Хочешь безопасно править — и людям у трона должно быть безопасно. Предсказуемо, осознанно. Даже если страшно.

Вообще, идея о том, что высокому руководителю доступно больше степеней свободы, чем невысокому — она от лукавого. Это сегодня ты весело и с огоньком поставил на место выскочку-подчинённого или сменил старого зануду — начальника отдела на милую секретаршу с ногами от ушей или любимого сыночка. Поупивавшись властью и рассказав, что ты здесь царь и дворянин здесь тот, на кого ты смотришь и лишь пока ты на него смотришь — не забудь помолиться, чтобы взыскалось лишь деньгами. А то бывали прецеденты с табакерками, шарфами и прочими внезапными коликами или инсультами. Выскочки и зануды — они такие: постоят рядом, свечку подержат, табакерку подадут.

В этом плане, даже прорвавшись к относительно верной армии, бедовый царевич Дмитрий с очень небольшой степенью вероятности стал бы спокойнее и системнее. А граждан-

ские войны могут проигрывать и цари. Не верите — всмотритесь внимательнее в историю Опричнины. К её концу царя Ивана даже в церковь приличную не впускали, не говоря уже о дворцах.

Поэтому у Дмитрия Симеоновича шансов усидеть на престоле было пугающе мало: месяцем или годом раньше или позже, но яд, пуля или табакерка забрали бы себе этого ультрапассионария.

Сколько за свою недолгую карьеру царя кинул старый хрыч Шуйский: обещал Корелу шведам — и не сдал; обещал Сигизмунду Смоленск — и поступил аналогично; вернул Церкви все тарханы — и ограбил храмы, чтобы заплатить наёмникам; обещал прощение повстанцам в 1607-м — и всю зиму 1607-го — 1608-го казнил их в промышленных масштабах. А вспомните, что он рассказывал про трагические события 1591 года в Угличе: то жив царевич, то мёртв, то сам, то Годунов, то ещё кто-то... Кто поверит патентованному лжецу? А много вы знаете московских царей, рыдавших и валявшихся в ногах то у толп разъярённых жителей столицы, то у соседского короля? Я — ровно одного. Когда ты идёшь по жизни, юля и предавая направо и налево, каков может быть твой конец, кроме предательства юливших перед тобой?

На фоне этих малоприятных персонажей Дмитрий Угличский, при всех своих недостатках, кажется вполне приличным и даже достойным человеком. Это, положив руку на серд-

це, не то чтобы сложно, учитывая фон, но всё же. Кто же и что же помешало доброму царю Дмитрию занять отцов и дедов трон, кроме несчастливого имени? Да и были ли шансы? Были. Давайте вспомним вместе.

Эпизод первый. Март 1584-го.

Пелёночник Дмитрий против взрослого Фёдора

Это покажется странным, но между смертью царя Ивана Грозного и коронацией Фёдора прошло больше двух месяцев. И первую неделю бояре спорили о судьбе крошечного, ещё двухлетнего, царевича. С точки зрения канонической версии истории, где Фёдор — старший брат Дмитрия, ситуация необъяснимая. Карамзин её списывает на психологическое нездоровье Фёдора по знакомой кальке «Пётр Великий — Иван V», но это просто пропаганда, к реальности отношения не имеет (про Ивана V, кстати, тоже).

А вот если он племянник Фёдора, сын его старшего брата — споры понятны. Делили же трон дядя Василий и племянник Дмитрий ещё при жизни Ивана III. Ододел, как вы знаете, дядя. После смерти победившего Василия его трон ничуть не менее азартно делили дожившие до делёжки братья с совсем юными сыновьями. Тут победа осталась за племянниками. Да и в 1553 году у трона очень вовремя приболевшего Грозного с пелёночником Дмитрием, тёзкой главного героя, спорил взрослый дядя — будущий регент. Дядя, кста-

ти, и победил, прорвавшись к реальной власти, пусть и не навсегда. А малыш утонул, якобы случайно. Жуткая история.

Тогда, в 1584 году, на фоне надвигавшихся на Москву новгородских отрядов, наглядно агитировавших за царя Симеона, спорщики оперативно пришли к вынужденному компромиссу: взрослый и дельный Фёдор стал царём, пелёночник Дмитрий — наследником и князем Угличским, куда отправился править с семьёй будущей жены — Нагими. России нужна была твёрдая и практичная рука.

Пометки на полях

Марию Нагую обычно называют матерью Дмитрия, но вела она себя как кто угодно, но не как мать, явно и публично поддерживая врага царевича — Шуйского. Как и большая часть клана Нагих. Исключениями были отец и сын с именем Андрей Нагой. Этим же именем Дмитрий Угличский назовётся при переходе русско-литовской границы. Его же (Андрея) дочь или сестра была наречённой невестой царевича до чёрной вдовы Марины Мнишек. Отец и сын будут в Тушине в высочайших чинах.

И ещё: брат Ивана Грозного Юрий тоже был наследником и тоже отправился в Углич с семьёй жены — Палецкими.

Могло ли случиться иначе? Вряд ли. Его отец был очень конфликтной фигурой и перед смертью успел поссориться

слишком со многими (это же потом догонит нашего героя в Смуту). Но Романовы, Нагие и Трубецкие могли бы постараться больше.

Хотя, по правде, такие старания скорее раскатали бы ковровую дорожку к трону Симеону, чего никто из них не хотел. А тот уж точно не стал бы щадить дальнего родственника из конкурирующей династии.

Вторым вариантом взойти на престол в 1584-м для Дмитрия была бы смерть Фёдора Ивановича. Тогда все сплотившиеся вокруг царя Фёдора сплотились бы вокруг его кровати. Ну или нет.

Как итог, Дмитрий мог бы стать царём-пелёночником, да помешал дядя Фёдор, а не справился с продвижением родственника Никита Захарьин-Юрьев.

Эпизод второй. 1586-й.

Игрушка в руках клана Шуйских

В 1586 году, параллельно польским выборам и традиционной для тогдашней демократии польской же гражданской войны (литовцы тогда просто постояли в стороне, поддержали свечку и присягнули победителю), в России тоже было неспокойно: Кремль несколько месяцев осаждали вчерашние герои и спасители — князья Шуйские. Они хотели власти, Марию Ливонскую кому-то из своих в жёны, развода царя Фёдора и много чего ещё. Для привлечения союзников

(а клан Шуйских был силен, но не настолько, чтобы в них не нуждаться, толпой их всё же к осени запинали) им нужен был легитимный царь. Более легитимный, чем несговорчивый Фёдор.

Найти его оказалось несложно, тем более что Шуйские и Нагие — друзья не разлей вода. Не знаю почему. Вот правда. Но держались они друг друга максимально крепко. Такая вот крепкая дружба вождей Опричной думы.

Понятно, что мнения четырёхлетнего мальчишки никто не спрашивал, но именно тогда он лишился статуса наследника. После победы (или в процессе) Фёдор и его приверженцы объявили Дмитрия незаконным сыном незаконной жены и лишили удела, превратив из удельного князя в кормленщика.

Пометки на полях

Суть разницы статусов — в невозможности управлять княжеством. Ненавистный Нагим дьяк Битяговский как раз и реализует власть, отдавая часть налогов на корм царевичу и родственникам. Суть понятна: кто платит — тот и заказывает музыку. Нагие никого не могли судить (даже за убийство царевича), облагать налогами, да и вообще с 1587-го практически ничего не могли.

Такое снижение статуса — форма опалы. Так, например, обошлись победители Смуты с ногайскими

мурзами Романова, получившими удел ещё от Грозного. Мурзы взгрустнули, но смирились и за пару поколений стали помещиками средней руки.

Стал бы Дмитрий царём в случае победы Шуйских и смерти или пострига Фёдора? Скорее всего — да. Практически как сам Грозный в 1542 — 1545 годах. Сколько бы он прожил с такими регентами? Вряд ли долго. Хотя Грозный выжил.

Как итог, и в 1586-м взойти на престол Дмитрию помешал дядя Фёдор, а не справился с продвижением мальчишки на трон Иван Петрович Шуйский.

Эпизод третий. 1598-й — 1602-й.

Мальчик, который выжил

После смерти царя Фёдора и довольно быстрого воцарения Бориса Годунова у спасённого в 1591 году мальчика вновь открылось окно возможностей.

За поддержку своего воцарения Годунов вынужденно или просто напрасно поделился властью с великими родами. Фёдор ведь неспроста полтора десятка лет заслуживал проклятия этих самых великих родов (конспектировали польские и английские послы, лившие крокодиловы слёзы над утешениями Шуйских, Мстиславского, Романовых и нескольких других персонажей) и жёстко поддерживал их весьма умеренное представительство в думе. С 1587-го как минимум.

А тут царь Борис своими руками на ровном месте вскормил потенциальную оппозицию. Романовы Годуновым родня дальняя, именно про таких и говорят — седьмая вода на киселе. Их в думе с роднёй была почти четверть. Столько же или даже больше ордынских и литовских аристократов группировались вокруг Глинского и Мстиславского. С последним Борис даже пытался породниться, ходили слухи о свадьбе князя с Ксенией Годуновой. Но походили и разошлись. Дальние родственники жены к царю Борису относились без большого энтузиазма. Был у них свой родственник царских кровей в окрестностях Твери. Даже недобитые Шуйские в думе удержались.

В 1598 году Годунов конкурировал только с царём Симеоном. Есть источники, которые называют результатом этого соперничества слепоту отставного царя и смерть его старшего сына Ивана. Пару лет спустя царя на зуб попробовали Романовы, и по России пошёл слух о чудесно спасшемся царевиче. Путчисты могли и одолеть, поддержки Романовых другие великие рода, но этого не случилось. Старший в роду Шуйских, Василий, был повязан угличским расследованием 1591 года и публично признать царевича не мог. Мстиславский и компания были свободны в выборе, но исторически были врагами его (царевича) отца и даже Годунова ненавидели меньше. Компромиссный вариант со свадьбой царевича и Ксении Годуновой тоже, видимо, всерьёз не обсуждался.

То ли Фёдор Никитич просчитался, то ли его попросту

кинули. С учётом того, сколько сил тратит «Новый летописец» (летопись максимально проромановская) на смешивание с грязью Мстиславского — нетрудно предположить кто. Тем более жестокие ссылки Романовым и компании присудила именно дума (её первый боярин — именно Мстиславский). Годунов, годом позднее оклемавшись от болезни, занялся смягчением режима и амнистиями.

А царевича переселили в Чудов монастырь, как это всегда делали с членами семьи, решившими (или принуждёнными) отказаться от политической борьбы. Последним до Дмитрия таким из династии был Константин Дмитриевич — младший сын Дмитрия Донского, запертый там, чтобы не мешал племянникам с внуками делить власть. Первые бояре и родственники династии Патрикеев, Мстиславский и Шуйский, тоже формально попрощались с властью через постриг. Как и Симеон в 1605-м, и Шуйский в 1610-м. Судьба порой возвращает долги.

Там бы, в Чудовом, царевич и жил бы поживал (вряд ли долго), если бы Шуйские не организовали ему побег.

История Дмитрия около 1600-го максимально мутна, полна теней и намёков, и тем не менее он имел вполне себе ненулевые шансы вернуться на свой законный трон.

Помешал Фёдор Мстиславский, не справился Фёдор Романов.

Эпизод четвёртый. 1607-й — 1608-й.

«Тушинский вор».

В 1607 году царевич переходит границу, собирает небольшой отряд и на рысях идёт к осаждённой Шуйским Туле, отправляя выкрикнутому царю «предерзкие письма». А после (буквально в паре переходов от Тулы) получает ответ, разворачивается и отступает на юго-запад.

Всю зиму Шуйский лютует в Москве, заполняя пыточные народом, казня направо и налево, но весной царевич во главе литовских и русских ратей громит его армию и осаждает Москву. Тогда, видимо, казалось, что повторяется история финала разборок Василия Тёмного и Дмитрия Шемяки — и хитроумный узурпатор Шуйский сам сбежит из Москвы, но нет. Летом идут бои, осенью — переговоры. Историки ругают русских бояр за перелёты из лагеря в лагерь, но я их (бояр) строго судить не могу: все понимали, что под Москвой стоит законный наследник, а в Москве сидит незаконный, но венчанный по всем правилам царь. Очень соблазнительно было прийти ко взаимоприемлемому компромиссу. Особенно с учётом общего резко негативного отношения к ордынской династии, продолжавшей сопротивление в Поволжье.

Пометки на полях

В Москве во время этих переговоров сидели в качестве аманатов-заложников будущий воевода Первого ополчения Иван Заруцкий и ночной кошмар

всех русских воевод смуты Александр-Юзеф Лисовский, которые тогда были на десятых-пятнадцатых ролях в армии тушинского царя. Прибили бы их сгоряча — и Смута имела бы другое продолжение. Но нет, кормили, поили, отпустили честь по чести. Абсолютно нет атмосферы экзистенционального конфликта, такой характерной для событий 1610-х. Приличные люди обсуждают серьёзные вопросы. Ну не договорились, бывает.

Мастер политической интриги Шуйский разваливает тушинский лагерь, подкинув туда царицу Марину. Сам он это придумал или польские друзья-родственники надоумили — не знаю. Но даже это его не спасло бы, если бы дальний родственник, Скопин, не удержал от перехода на сторону Дмитрия Новгород. Было на тоненького — в городе были уличные бои.

Ну и ещё один эпизод был важным, хоть и говорят о нём мало: у Смоленской дороги в старом лагере Дмитрий Угличский (Лжедмитрий II) отдал приказ о казни почти полутора десятков людей, которых сам назвал лжецаревичами. Видимо, это были последний сын Симеона Фёдор (самый активный из казнённых) и его родственники. Вряд ли царевич мог поступить иначе, но время было подобрано максимально неудачно: до свержения Шуйского расправляться с потенциальными союзниками, пусть и опасными и неприятными, было крайне недальновидно.

Как итог, в 1607-м — 1608-м взойти на трон царевичу по-

мешали Василий Шуйский, Михаил Скопин и Марина Мнишек, а не справился с нервами и властью по большей части он сам.

Эпизод пятый. 1610-й.

«Калужский царик»

В 1610-м у царевича было ровно два шанса прорваться на трон.

В августе, после клушинской катастрофы, оставившей Шуйских без армии и поддержки, он не успел к Москве буквально на считанные дни. Если бы его армия вошла в столицу раньше войск гетмана Жолкевского, то тот с большой долей вероятности, пограбив окрестности, отправился бы обратно в смоленский лагерь с первыми морозами. В реальной истории Дмитрий встретил судьбу у стен Москвы, даже пошёл на её штурм, но на фоне предательства Сапеги силы стали совсем уж неравны.

Ну и второй шанс, очевидно, стал вырисовываться к концу года: стойкая патриотическая позиция сделала царевича естественным вождём и знаменем ополченцев, готовившихся к походу на Москву. Ему присягали бывшие верные соратники Шуйских, предавших свою страну и веру. Ему шли служить татары и ногайцы, не готовые служить Крыму и Польше. К нему возвращались ветераны тушинского лагеря. Оставалось казнить после родов Марину Мнишек, объявив

предательницей и блудницей, что было чистой правдой (всю осень поляков в Калуге казнили с практически демонстративной жестокостью), опереться на недовольных поляками и ультразападниками типа Мстиславского и Салтыковых — и шансы на коронацию в освобождённой Москве становились очень даже велики.

Но этого, как мы с вами знаем, не случилось. Помешала ему больше всех пара литовцев: Ян Пётр Сапега и Фёдор Мстиславский. Винить в своём поражении царевич мог недосмотревшего Филарета или предавшего Салтыкова. Но в почти 30 пора уже брать ответственность в свои руки и спрашивать с себя.

Урак ибн Джан-Арслан, он же Пётр Урусов, внук ногайского бия Уруса, пистолетным выстрелом завершил самую долгую и самую интересную из смутных димитриад. Может, он мстил за казнённого касимовского хана, как пишут историки. А может, и за тех лжецаревичей со Смоленской дороги.

Четверть века спустя его за это (убийство человека царского рода) отправит на казнь хан Крыма. Понятно, что это был просто повод, но если уж даже хан из рода Гиреев признавал в Дмитрие Угличском царскую кровь, то, может, и нашим историкам пора перестать транслировать сказки про Молчанова и Отрепьева?

Когда гляжу на судьбу царевича, меня не покидает ощущение, что его мытарства, которых хватило бы и на три жизни, были не чем иным, как расплатой за кармические гре-

хи рода. Как писал в своём послании враг его деда: «*И ты, великий царь, прекрасно знаешь из летописей русских, что князья того рода не привыкли тело собственное терзать и кровь братии своей пить, как у некоторых вошло в обычай: ибо первый дерзнул так сделать Юрий Московский, будучи в Орде, выступив против святого великого князя Михаила Тверского, а потом и прочие, чьи дела ещё свежи в памяти и были на наших глазах. Что с Углицким сделано и что с Ярославичами и другими той же крови? И как весь их род уничтожен и истреблён? Это и слышать тяжело и ужасно. От сосцов материнских оторван, в мрачных темницах затворён и долгие годы находился в заточении и тот внук, вечно блаженный и боговенчаный!*»

Пометки на полях

Цитата из второго послания Курбского Грозному. Михаил Тверской был выставлен на правёж и убит в Орде по доносу Юрия Московского, который потом ещё и не постеснялся предать тело дальнего родственника глумлению. Последняя отсылка — к Дмитрию Ивановичу, венчанному, но так и не правившему внуку Ивана III, сгинувшему под домашним арестом.

Про грустную историю что ярославских, что угличских князей можно книгу написать, не то что статью. Многих и правда бессудно и жестоко казнили.

Видимо, 300 лет — и правда предельный срок для династии. У его сына шансов почти и не было.

Факультативная глава.

Последний самозванец Смуты

Его история — больше факультативные главы учебника истории. Для ценителей, любителей и гурманов.

Имя первое: «ворёнок»

Он родился холодной выюжной зимой в Калуге, то ли присягнувшей новому царю Владиславу, то ли собиравшей ополчения, чтобы его свергать. На руках властной матери он агукал, когда у стен Москвы высекались искры и звучали нестройные залпы. Его, малютки, имени присягнули десятки городов, до того верных отцу, которого он не знал. И если и видел, то в гробу. Буквально.

Но даже это вряд ли. Ибо местом его раннего детства была крепкостенная Коломна, из которой он вместе с матерью уходил в далёкую чужую степь под проклятия попов и бояр.

«Ворёнок», «Ивашка», «проклятый пани Маринкин сын».

Это его первая маска. Первая собачья кличка, данная врагами и оставшаяся в истории.

Зимой 1613 года он первый раз в жизни претендовал на трон. Дальше были бои и отступления, отступления и бои. Из Коломны — в Михайлов, из Михайлова — в Воронеж, из

Воронежа — в Астрахань, оттуда — на Яик, буквально куда глаза глядят.

23 июня 1614 года его взяли в плен и не спеша провезли обратным маршрутом через Астрахань и Казань — два крупнейших города, присягнувшие ему пару лет назад.

Мальчику было три с небольшим года. Волшебный возраст. Ростом ещё ниже метра, дети умильно почемучкают и строят свои первые рассказы, так же наивно и по-детски фантазируют и привирают. Считают до десяти, читают по слогам и дарят родителям тот пресловутый «кризис трёх лет», по которому так ностальгируют папы и мамы подростков.

Его провезли в клетке через полстраны, оторвав от матери и привычного окружения, но казнили не сразу, будто чего-то стесняясь или о чём-то торгуясь. Петля на шее мальчика затянулась уже зимой. Публично, у Серпуховских ворот, где когда-то стоял лагерь его отца проклятым августом 1610 года, закончилась его официальная российская история. Палач, жалея кричавшего ребёнка, закутал его в собственный тулуп, а потом вздёрнул на толстой петле, заменившей лёгкую бескровную смерть на муки заживо замёрзшего в трескучий московский мороз человека.

Будто это была не казнь, не политическое убийство из опасений перед страшными казачьими сотнями атамана Баловня, шедшими на столицу, а жертвоприношение.

Мальчику не было и четырёх.

Впрочем, некоторые свидетели называют его семилетним.

Но стоит ли им верить? Многого ли стоят все эти высосанные из пальца воспоминания иностранцев?

Имя второе: Ян Фаустин Луба

После завершения русско-польской войны 1608 — 1619 годов на сейме в Варшаве появляется шляхтич Белинский и утверждает буквально следующее: в Москве был казнён не тот мальчик, а тот — отдан ему на сохранение Мариной Мнишек в Коломне и сохранён. «Вот и он, паны-браты, неужели не узнаете?»

И паны-браты узнали, отдав мальчика на воспитание литовскому канцлеру Льву Сапеге и назначив пансион в 6000 злотых ежегодно.

Пометки на полях

Ну а как без них?

Белинские, знаменитые у нас только критиком Виссарионом,

для Польши — знатный шляхетский род герба Шелига. Герб известен с XV века (есть версия про XIII), среди использовавших его фамилий — Менделеевы и Корсаковы. Всего фамилий — под сотню. В Российской и Австрийской империях род Белинских получил графское достоинство. Имел обширные имения в Литве

и на Вольни.

Наши историки, называя его безродным шляхтичем, несколько кривят душой: Лев Сапега — некоронованный владыка Литвы в 1589 — 1633 годах, сначала как канцлер, а затем как гетман. В обоих случаях — великий. Его же наш великий историк Соловьёв называл главным архитектором и кукловодом нашей Смуты. Большой лоббист унии светской (тащил Фёдора Ивановича на трон Речи Посполитой и Владислава — на московский) и религиозной (рождённый православным, перешёл в католичество в 1589-м и стал одним из главных апологетов Брестской унии и строителем костёлов в Беларуси).

Воевал с Россией в составе войск Батория и Сигизмунда, часто возглавлял литовское посольство в Москву при царях Фёдоре и Борисе.

Известен как создатель и защитник статута Великого княжества Литовского, действовавшего на западе России до 1840 года. Очень образованный человек. Выпускник Лейпцигского университета. В юности увлекался идеями кальвинизма.

Именно в его слонимском имении рос и воспитывался Ян Фаустин Луба, представленный на сейме королю и панам. Неподалёку от имения стоит тогда униатский Жировичский монастырь

(перешёл в унию в 1613 году и до времён Николая I

был центром униатства).

И про 6000 злотых: злотый — монета в разное время от 30 до 100 грошей, грош — примерно полграмма серебра.

Если принять пропорцию «один московский рубль примерно равен двум злотым», то царевич получал в два с половиной раза больше самого высокооплачиваемого интригана России — первого боярина думы Мстиславского (1200 рублей в год). Очень нескромное содержание.

С 1622 по 1627 годы воспитателем царевича был Афанасий Брестский — чуть не последний апологет православия в Великом княжестве Литовском. Афанасию, в будущем святому, Ян Луба был представлен как царевич Иван Дмитриевич.

По завершении этой миссии Афанасий и ушёл в монастырь. Во время своей поездки в Москву в 1638 году он подробно рассказал царским дьякам в том числе и о царевиче Яне. А заодно звал царя воевать за веру и волю для русских людей Речи Посполитой, но Михаил не решился.

Вообще, о его жизни и почти 20-летней борьбе за православие в Речи Посполитой можно написать свою статью, а то и не одну. Среди прочего Афанасий Брестский — один из главных авторов идеи о разделённом триедином русском народе, который должен собраться воедино под рукой православного царя. С Сапегой он расстался плохо. Есть даже

версия, что его арест в 1645 году связан с командировкой Яна Лубы в Москву. Дескать, он был заложником на случай невозвращения царевича. Верится с трудом: опального православного активиста арестовывали не раз и не два, судили церковным судом. Погиб он смертью мученика от рук земляков-иноверцев.

Впрочем, в Москве про Яна знали и до приезда Афанасия: уже в Поляновский мирный договор мелким шрифтом было вписано обязательство отказа от признания Яна Лубы царевичем московским. Жалование ему подрезали до ста злотых, но устроили на непыльную, почётную и высокооплачиваемую работу королевским писарем. Юноше было 23 года.

Вообще, Поляновский мирный договор стал триумфом миролюбия и добрососедства: синхронно попрощавшись с апологетами войны в лице короля Сигизмунда, канцлера Льва Сапегу и патриарха Филарета, молодёжь в лице Владислава и Михаила очень легко сгладила все взаимные претензии. Влад перестал называть себя великим князем Московским, Михаил — Смоленским и Черниговским. Договорились о свободе торговли и уважении к Церкви. На пике обсуждения поднимался даже вопрос об общем флоте на Балтике и борьбе с татарами в степи. Будто бы и не было страшных взаимных обид. Миролюбие, впрочем, было вынужденное и понятное: литовцам вернуть Ригу хотелось куда больше, чем Москву или Новгород. В России же откровенно обиделись на постоявшую в стороне Швецию и дошедших до

ближнего Подмоскovie крyмцев. Плюс внутренние разборки бушевали вoвсю, армия изрядно поредела, а на наёмников банально не было денег. Да и вообще, княжата всегда стремились проводить пропольскую политику, будь то благословенные 1550-е или проклятые 1600-е.

На этом фоне обязательство перестать поддерживать Яна Лубу казалось мелкой разменной монетой в большом торге. По версии историков, всё тот же шляхтич Белинский открыл Яну неприятную правду: дескать, никакой ты не царевич, сын такого же, как я, шляхтича Дмитрия Лубы, который потащил в поход жену с ребёнком в расчёте на поместье, да и сгинул безвестно.

Пометки на полях

В этой истории, рассказанной вполне серьёзным историком Соловьёвым, прекрасно буквально всё. Отца героя зовут Дмитрий Иванович Луба. Имя и отчество комментировать не буду, параллель с Дмитрием Угличским налицо. Фамилия Луба с польского без больших усилий переводится как «любимый, возлюбленный». В голове сама собой встанёт фраза из летописей: «Возлюбили люди и возвели на престол...» Погиб отец в бою с татарами (реального Дмитрия Угличского убили татары во главе с Петром Урусовым). Мать героя умерла в тюрьме, звали её Мария Юрьевна. Да, точно так же, как в московских летописях звали Марину Мнишек, которая умерла в

коломенской тюрьме.

Порой кажется, что таким нехитрым образом наши добросовестные историки обходили не слишком умную, но формально влиятельную цензуру. Дескать, я не я, а минимально вдумчивый читатель всё и сам поймёт. Ну или демонстрировали своеобразное чувство юмора.

Кто сказал, что шутить умеют только физики?

В конце февраля 1644 года в Литву прибыло представительное посольство во главе с князем Львовым и вело с ним и представителями сейма долгие и непростые переговоры. Наши историографы описывают их как требование казни Яна за претензии на российский трон, но верится в это с трудом. Послы и правда опасаются бегства царевича к запорожским казакам, но по факту вместе с королевским послом, Гавриилом Стемпковским, уговаривают его ехать в Москву, давая гарантии безопасности.

В ноябре 1644-го Ян Фаустин Луба с послами прибыл в Москву и вёл долгие и продолжительные переговоры с московскими боярами и лично царём Михаилом. В какой-то момент от Лубы потребовали перехода в духовное сословие, обвинили в переписке с османским султаном. Переговоры затянулись до 1645 года, когда умер царь Михаил. Новый царь, Алексей, отпустил Лубу при условии: «К Московскому государству причитанья никогда иметь не будет, и царским

именем называться не станет».

По возвращении из московской командировки Владислав Васа дал ему чин писаря королевской пехоты (генерал Генштаба на наши реалии), но уже в 1646 году Польский сейм принял законопроект, посвящённый Яну Лубе: «О Лубе, дворянине польском». Согласно этому документу, Яну Фаустину ограничивался выезд из страны, а также он не признавался сыном Марины Мнишек.

По поводу дальнейшей судьбы Яна Фаустина Лубы существуют три версии: по одной из них, он погиб 23 сентября 1648 года в битве с татарами под Пилявцами (обычно именно её принимают как базу); по другой — уцелел в сражении, вернулся в Польшу и прожил остаток жизни, кормясь по панским домам; по третьей — был похищен русскими, вывезен в Москву и казнён.

Пометки на полях

Князь Львов больше 20 лет, в 1626 — 1646 годах, управлял Приказом Большого двorca. Это самый крупный приказ тогдашней России. До этого был воеводой Второго ополчения и астраханским воеводой. В последней должности проявил себя как невероятно успешный переговорщик с ногайцами. Они возвращались под его руку из Крыма и Хивы, давали аманатов и поступали на русскую службу. У такой сговорчивости есть простое объяснение: он был старшим зятем Михаила Фёдоровича Нагого — конюшего Лжедмитрия

И (Дмитрия Симеоновича). Именно через них долгое время шла торговля ногайскими табунами в Москве, они присоединяли к России до того принадлежавшую ногайцам Башикирию. Проживи Михаил Фёдорович чуть дольше — глядишь, и составил бы конкуренцию тёжке Романову на не слишком легитимных выборах 1613 года. Родственные связи с предшественниками, Даниловичами, у них были идентичными — хлипкими и только по женской линии. Про связь Дмитрия Угличского и рода Нагих напоминать тоже излишне. Он даже границу в 1607 году перешёл, назвавшись Андреем Нагим.

Князь Львов также выступал в роли посла в Данию и Польшу. Параллельно с Лубой в Москве обретался датский принц Вальдемар, намеченный в мужья Ирины Михайловны. Принц вёл долгие и трудные переговоры о свадьбе и сопутствующем религиозном компромиссе. Церковники яростно настаивали на православном крещении Вальдемара, но тот не соглашался.

Дочерей у царя Миши было аж три: Ирина, Анна и Татьяна.

Если убрать из текста бесконечные упоминания о требованиях послов казнить Лубу (выглядящие поздним набросом), несложно увидеть либо участие в царских выборах, либо неудачное сватовство к царёвой дочке.

В 1648 году Львов станет одним из главных пострадавших по итогам московского восстания: его двор сожгли, его враги стали боярами. Кстати, ещё один момент про вертикаль тех времён: большую часть жизни он назывался князем Ярославским. И ничего ему за это не было.

Ну и ещё один комментарий: неужели вы правда думаете, что безродного самозванца повезут к умирающему царю уговаривать не называться царевичем московским? И полгода будут его об этом всей душой просить? С обычными самозванцами, типа того же Анкудинова, в Москве обходились без лишних сантиментов, а тут расшаркивались до победного.

И самый последний про Лубу: автором ограничивавшего его свободу передвижения закона был ярый иезуит Долмат-Исайковский.

Соберите пазл сами.

Имя третье: Иван Вергунёнок

Начало карьеры типично для всех самозванцев: пил, бил, бежал из дома, попал в плен к татарам. И так же не проверяемо.

В 1641 году появляется в Крыму сначала у богатого еврейского купца, потом — у хана Мехмед-Гирея. В период бытности у купца общается с русскими пленными, те прино-

сят дары. Летом 1644-го якобы года отправляется из Крыма в Стамбул. В 1644 году греческий архимандрит Амфилохий снял копию грамоты самозванца, адресованную османскому султану, и отослал в Москву. Однако эта грамота была ошибочно приписана самозваному царевичу Яну Фаустине Лубе.

В 1646 году о самозванце узнали и в Российском царстве. В то время русские послы Телепнев и Кузовлев находились в Крыму. Целью посольства было уведомление османского султана о восшествии на престол русского царя Алексея Михайловича.

Прибыв в Стамбул, российские послы узнали, что Лжеивашка уже находился в османской столице. Поначалу Телепнев и Кузовлев стали осторожно собирать сведения о «воре», так как они не были уверены, что это именно тот самый царевич Иван, о котором они узнали в Кафе. Телепнев и Кузовлев призывали великого визиря Салиха-пашу устроить тщательный розыск о самозванце, утверждая, что под именем московского царевича скрывается казачий сын Ивашка Вергунёнок. Впрочем, их призывы остались без ответа. Так, визирь указывал на показания крымского хана, который, проведя розыск в Крыму, пришёл к заключению об истинности царевича.

Всё же вскоре Лжеивашка впал в немилость. Живя при дворе великого визиря, самозванец имел возможность свободно перемещаться по территории империи. Вергунёнок постоянно демонстрировал свой буйный нрав, он много пил

«и во хмелю с бусурманами дрался». Осенью 1646 года арестовали Лжеивашку и заключили в Кожаном городке, находящемся в трёх вёрстах от Стамбула. О дальнейшей судьбе самозванца ничего не известно.

Пометки на полях

В 1639 году крымский хан Бахадыр-Гирей казнил Петра Урусова за убийство природного русского царя Дмитрия Угличского. Не за уособицы в Крыму или военные преступления. Кто мог попросить или потребовать этой казни? Только наследник и кровник. Сын Дмитрия.

В 1637 — 1642 годах Россия ведёт с Турцией необъявленную войну, в ходе которой казаки взяли Азов. Иметь альтернативного царя по такому раскладу в Крыму совсем не глупо. Польша рядом, а её югом руководят дальние родственники Дмитрия Угличского — Вишневецкие (родство по бабушке Грозного и сестре матери — Марины Мнишек).

Поражает выборочность в отношении властей России, Турции и Польши к двум колесившим по этим странам самозванцам: никто не признаёт Анкудинова, в России вообще без разговоров укорачивают на голову, но все верят Лубе-Вергунёнку. Причём, когда русский посол Телепнев пытается запутать великого визиря в

смутных царевичах, тот чётко отличает Дмитрия от Петра, ставя посла в неудобное положение.

Посольство Телепнева урегулировало отношения с Турцией. Той на фоне кризиса власти (великий визирь менялся ежегодно, а султан Ибрагим конфликтовал не только с великими визирями, но и с сёстрами, властной матерью и шейх-уль-исламом) и не слишком успешной войны с Венецией деньги и покой на северной границе оказались банально нужнее. Ну и великий визирь сменился, дезавуировав все обещания предшественника.

Говорят, султан Ибрагим очень любил соболя меха. Поминки по крымскому хану по итогам посольства подросли до 20 000 рублей.

Такой вот Ивашка, Луба, «ворёнок», Вергунёнок.

И краткие выводы.

Когда пишешь о тех временах, важно помнить одно простое правило: поступки всегда говорят красноречивее слов. Тем более слов случайных и/или ангажированных свидетелей. И в случае такого подхода история последнего самозванца Смуты перестаёт казаться такой уж сложной.

Он родился зимой 1610 года в Калуге и был сыном законного наследника русского престола Дмитрия Угличского и вдовствующей царицы Марины Мнишек. В три года впервые претендовал на престол в ходе московских выборов 1613 года. Его сторонники на тот момент контролировали значи-

тельную часть страны (Казань, Астрахань, Вятка и так далее). После измены казанского ополчения, перешедшего на сторону Романова (скорее Церкви), и отступления в Михайлов отчаявшаяся мать отдала его одному из соратников Сапеги, который сберёг мальчика в имении гетмана Льва. Пошёл по стопам отца, который в 1602 — 1607 годах, если угодно, тоже гостил у Сапеги.

А в России события развивались стремительно: Астрахань восстала, мать попала в плен к врагам, а по крупнейшим городам ещё недавно его державы в клетке провезли совсем не похожего мальчика (видимо, сына — Ивана Заруцкого). Которого и казнили у Серпуховских ворот, символически инсценировав смерть царевича.

До 1619 года Сапега поддерживал Владислава Васу в качестве претендента на русский трон, но поход 1618-го явно доказал: чужака в Москве не примут, нужен свой. Доказал в том числе и Владиславу, который (в отличие от отца) на московский трон больше не рвался.

До 1633 года он живёт под крылом Сапеги, тихо плетущего интриги, в том числе и в Москве. На фоне разборок деятелей ополчения многие западники вернулись ко двору и во власть. Их не устраивают «Патриаршина», слабая армия, клерикальный прессинг. У некоторых из этой партии (Салтыковы, Трубецкие) есть родственники по эту сторону границы. Параллельно, опираясь на связи Нагих, царевич наводит мосты с Крымом. Там с опорой на ногайцев правят ханы

— сторонники большей независимости от Турции.

Московское правительство Фёдора Шереметева раздражает степняков в лучших традициях Годунова. Засечные черты вновь покрывают степь, а осмелевшие казаки даже берут Азов. Почему бы не подружиться с альтернативным царевичем — например, казнив его кровника (и самих Гиреев доставшего, конечно)?

Трагедия Смуты во второй половине 1640-х почти повторяется. У постели умирающего царя Михаила разыгрывается драма — трон делят три претендента: сын Михаила Алексей, сын Дмитрия Угличского Иван и датский королевич Вальдемар. За плечами Алексея — Церковь и княжата, за плечами Ивана — западники, за плечами Вальдемара — видимо, новгородцы.

Главным аргументом против избрания Ивана Дмитриевича становится его (реальное или мнимое) письмо с присягой турецкому султану, полученное от греческого митрополита. Поражение на выборах ещё не окончательное, Алексей сидит на буквально шатающемся троне, внутренние разборки вырвутся наружу в московском восстании 1648 года и восстании в Новгороде и Пскове в 1650-м, когда половина страны буквально отделилась и отказывалась признавать действующую власть. Западники по итогу своего добьются и отгонят от трона клерикалов, проведут серию реформ, сильно изменивших нашу страну.

Но Иван уже не узнает об их успехах. После поражения

на выборах он жаждет реванша и ищет себе армию. Возвращается в Речь Посполитую, но та буквально на глазах погружается в состояние хаоса и межрелигиозной войны, плюс его атакуют иезуиты, которые на фоне накала страстей видят врага в любом влиятельном православном.

И он бежит на юг. Бежит в Крым, надеясь опереться на казачьи и ногайские контингенты. Но оттуда его вывозят в Стамбул, где у царевича нет друзей. Жадные имперские чиновники легко сторговываются о его голове с друзьями из Москвы. Поддержка РПЦ — традиционная турецкая политика тех лет. Всё логично: больше земель у Церкви, меньше — у дворян. А значит, слабее армия. А значит, можно не волноваться за северный фланг. А ещё всегда можно оттянуть часть польских сил, спровоцировав руками всё той же Церкви «православную реконкисту».

История Ивана Дмитриевича — одна из последних классических смутных историй. История человека, который на равных говорил с царями и королями, помнил своё родство и отомстил убийце отца, рвался на родовой трон и имел немалую группу поддержки внутри России, Литвы и Крыма. И был побеждён ещё не расколотой Церковью куда в большей степени, чем земными владыками.

Ибо Богово в те времена было всё ещё выше царёва. И в России, и в Польше.

Он проиграл, и его забыли. Остались лишь собачьи клички: Луба, «ворёнок», Вергунёнок.

Про инокиню Марфу, пять лет правившую за царя Мишу

Меня всегда поражает тот странный факт, что историки никогда не сравнивают Ивана Грозного и Михаила Романова.

Ну вот присмотритесь сами:

- И тот, и другой — первый в своей династии как царь.
- Оба долго и с переменным успехом правили страной.

Точнее, долго властвовали и почти не правили.

- Оба проиграли войну Речи Посполитой и расширяли державу на восток и изредка — на юг.

- Оба к концу жизни страдали от болезней ног и принимали опасное лечение, которое (одна из версий, неточно) и свело обоих в могилу.

Вот сколько поводов для параллелей. Но нет, один — харизматичный тиран и ужас, второй — милый мальчик на троне. Не смешивать, не взбалтывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.